

Н.В.ЗАХАРОВ

ЖУЛИКИ

КНИГА-2

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Захаров
Жулики. Книга 2

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Захаров Н.

Жулики. Книга 2 / Н. Захаров — «ЛитРес: Самиздат», 2019

В книге описаны события, произошедшие, по мнению автора, в девяностых годах 20-го века. «Лихие девяностые» со стрельбой и погонями, переплетаются с прошедшими временами, не менее «лихими». Все совпадения имен персонажей с реальными людьми совершенно случайны. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Глава 1

Мишку втащили с заломленными руками сначала в прихожую, а потом в комнату довольно просторную. Комната имела целых четыре окна и заставлена была антикварной, старинной мебелью. Стол на резных, изогнутых ножках с вензелями, стулья вокруг него из той же коллекции какого-нибудь мастера Брамса из Голландии. У одной из стен огромный кожаный диван с высоченной спинкой и круглыми валиками, рядом два кресла, такого же типа. Это то, что сразу бросилось Мишке в глаза, хоть он и был согнут практически пополам, с вывернутыми назад руками.

За столом, на одном из стульев, восседал мужчина. Именно «восседал» настолько он соответствовал интерьеру. Шляпа с широкими полями, надвинутая на самые брови и смокинг, с широким вырезом на груди, белоснежнейшей рубашкой и галстуком «бабочка», придавали «восседающему» непередаваемый шарм.

– Вот, привели, как вы сказали, уважаемый. Все волос целый, – Кавказец подошел к столу и положил на него «макар».– Вот его. Сапсем дурак, даже не зарядил, и с собой обойма нет, – «макар» со стуком лег на столешницу. Сидящий за столом небрежно отодвинул от себя пистолет и произнес бархатным баритоном.

– Пистолетик, значит, с собой прихватил, в этот раз? А в прошлый раз, чем руки поотрубал соратникам?

– Э-э-э!! Как руки отрубил?– удивился кавказец.– Чем?

– Вот и я хочу знать, чем. Пострадавшие уже ничего не расскажут. Пока врачи приехали, они от кровопотери загнулись. Сказали только, что рубил. Что шустряк сказали. Наденьте на него наручники. Что так и будете раком держать?– на запястьях Мишкиных щелкнули замки.

– Вон на тот стул его посадите, и встаньте сзади. Мало ли, что бы иллюзий не питал и не дергался. Порасспросить кое о чем хочу красавца, – «Бархатный баритон», привычным жестом поправил бабочку, и уже обращаясь к сидящему напротив Мишке, спросил:

– Ну, красавчик, готов исповедаться, так сказать, добровольно или моим нукерам поспособствовать физически приказать?

– Отец где? Пока не отпустите, говорить не буду, – Мишка уставился на обладателя баритона в смокинге упрямым взглядом.

– За папашу беспокоишься? Похвально. В соседней комнате, с батареейкой в обнимку, скачает. А вот отпустим ли мы его – это от тебя, красавчик, зависит.

– Значит, отпускать вы в любом случае никого не будете. Меня – потому что виноват, а отца – потому, что свидетелем опасным для вас станет, – Мишка зло глянул на хозяина.– Ну, вот и хрен, что вы от меня услышите, – в комнату вошел капитан и положил на стол деньги, найденные у Мишки в машине.

– Вот, это все, что там было. Четыреста тысяч, – капитан с сожалением посмотрел на пакет с деньгами.

– Ты смотри-ка, не успел потратить почти. Пятьдесят тысяч всего не хватает, – «Бархатный» наклонился вперед и притянул к себе пакет.

– Значит, говорить не будешь? Ну, воля твоя, красавчик. Догадливый ты. Сегодня уже, вместе с папашкой своим, червей кормить будете. Давай, Аслан!– Мишка не стал ждать, чего там даст Аслан, и скованной рукой дотянувшись до кармашка рубашки, вынул пластину «Завесы», активировав ее хлопком.

Хлопок этот несколько озадачил присутствующих. "Бархатный" даже рот приоткрыл от удивления, а Аслан, двинувшийся к Мишке, замер.

– Что за аплодисменты?– недовольно скривился "Бархатный".

– Передумал я и решил не только рассказать, как ваших соратничков порезал, но и наглядно показать,— Мишка встал и отстегнул от пояса «Перф». На него, почему-то при обыске ни кто внимания не обратил. Видать «макар» и бумажником заинтересовались.

– Они сами виноваты, я им предлагал разойтись по-хорошему. Не захотели. Стволы выхватили, палить из них начали и не в воздух, а по мне. А я жуть как не люблю пальбу. Две пули в свое время у меня устойчивую идиосинкразию выработали к свинцовым пилюлям. Вот и пришлось ручонки им шаловливые подрезать. Ну а то, что загнулись, так опять же их вина. Нужно было не орать, а жгуты накладывать.

– Вот, значит, как? И чем же ты им ручонки отчекрыжил? Что за меч самурайский у тебя или «кладенец» есть?— «Баритон» подпустил сарказма в бархат.— Может, покажешь нам его?

– Отчего же нет, пожалуйста,— Мишка активировал отщелкнутый «Перф» и, перерезав цепочку на наручниках, развел руки в стороны.— Вот так! – а затем повернулся и пошел к выходу из комнаты. Вся компания обалдев, смотрела ему в спину. Мишка обернулся и, подмигнув "Баритону", добавил:

– Я на ваш вопрос ответил и даже показал, так что мы с отцом свободны или вы будете возражать, и не дай Бог препятствовать?— «Баритон» пришел в себя и, наполняя голос сталью, взвизгнул:

– Стой, красавчик, никуда тебя пока я не отпускаю.

– Та-а-к.— Мишка укоризненно покачал головой.— И вы туда же? Не хотим, значит, по-хорошему? Неужели и вам нужно ручонки поотрезать, чтобы до вас дошло, что ко мне их протягивать нельзя?

– Аслан, прикрутите – это чмо говорливое, к стулу и сверните шею. Нет – шею я сам ему сверну. Взять,— распорядился «Баритон».

И все пятеро присутствующих кинулись к Мишке. Схватили и попытались потащить. Только руки, почему-то самую малость до одежды жертвы недотягивались и соскальзывали.

Натужно сопя и мешая друг другу, пятерка недотеписто топталась у спокойно стоящего Мишки, пробуя столкнуть и даже сбить с ног. Мишка смотрел на пыхтящих «соратников», следя только за тем, чтобы кто-нибудь из пятерки не сунулся к лицу.

– Ох, и достали вы меня, слов просто нет как,— наконец надоело Мишке стоять памятником. И пятью резкими движениями раскидав пятерку по углам комнаты, он пошел к «Баритону».

– Ты что русского языка не понимаешь? Вслед за своими полудурочными поделеньниками, опущенными поспешаешь?— Мишка чиркнул «Перфом» по столу, разваливая его на две аккуратные, но не равные половины. Стол сложился вовнутрь, отключив вычурные ножки. Бледный, как полотно «Баритон», трясущимися руками тащил откуда-то сзади увесистый ствол. Явно не отечественного производства. Мишка видел такой в фильмах у америкосовских копов:— «Берета вроде», – подумал он.

– Где это ты его только прятал все это время?— удивился он, увидев импортное оружие убийства, в трясущейся руке.— Что тоже без ручонки решил остаться? Тогда стреляй,— «Баритон» дакнул на курок, а Мишка махнул «Перфом». Выстрел и визг прозвучали практически одновременно, и что получилось громче, трудно было сказать. Визг все же был убедительней, да и продолжительнее.

«Баритон», упал на пол, покатился, сбивая стулья и пачкая пол, хлещущей из отрезанной кисти кровью.

Визг сменился воем: – «БОЛЯ-Я-Я-Н-О-О-О-О-У-У-УУУУУУУ».— пятерка бойцов пришедшая в себя после падений, уже стоящая на ногах, с ужасом смотрела на катающегося по полу, а с еще большим ужасом на валяющуюся на полу кисть, со сжатым в ней пистолетом.

– Ну что, ребята, у кого-то есть желание повторить подвиг начальника своего?— Мишка повернулся к кавказцу.

– Ты там, Аслан, как меня назвал? Бараном? Ишаком? Извиниться не хочешь, джигит? Громче говори, я из-за воя не слышу тебя.

– Извини, брат,– Аслан, опасливо озираясь, попытался переместиться ближе к входной двери, распахнутой настежь.

– А это ты зря, даже и не пытайся выйти, без моего теперь разрешения,– Мишка подошел к двери и захлопнул ее. И отвернулся при этом на пол секунды какие-то, а когда повернулся, то увидел направленные в свою сторону целых пять стволов. Разных. У капитана, плясал в руке, табельный «макар», у остальных всяко-разно. Даже наган у Аслана, образца 1900-го «лохматого» года.

– Ну, и как вас понимать прикажете, придурки? Вам мало наглядной агитации? На собственной шкуре «кладенец» хотите попробовать? Вот так же выть хотите? Лучше бы жгут своему боссу наложили, ведь ему, при такой кровопотере, жить-то меньше пяти минут осталось. Вот ты, капитан, давай-ка окажи первую медицинскую. Вас же учат? Ну!– капитан медленно, как бы нехотя, двинулся в сторону стонущего «Баритона».

– А вы что? Считаю до трех и начинаю рубить руки. Раз,– Мишка сделал шаг в сторону сбившейся в кучу четверки, с выставленными стволами.– Два,– еще один шаг.– Три,– о пол ударилось первое железо, за ним второе, и бросившие его, медленно отделившись от остальных, двинулись в сторону капитана, который уже склонившись над «Баритоном», брючным ремнем потерпевшего, перетягивал обрезанную кисть. Еще один удар по полу, а за тем выстрелы – один, второй, третий. Это не смирившийся кавказец, начал палить из доисторического, раритетного нагана, который исправно выплюнул все три пули в направлении Мишки. Две попали в него, отрикошетив от груди в потолок, а третья свистнула у самого уха и разнесла вдребезги, висящее сзади на стене зеркало, в резной раме. В четвертый раз Аслан выстрелить не успел, рука, срезанная по локоть, упала ему под ноги вместе с «революционным наганом». Этот «сын гор» в шоке, даже не понял ничего и, тупо уставившись на обрубок, что-то шептал побелевшими губами. А потом пришла боль и понимание: – «В-А-А-О-О-УУУУУ-УУУУ!!!».– Аслан не упал, он нагнулся и поднял отрубленную руку.– «СУ-У-У-У-О-О-О-С-У-В-А»,– завыл он.

– Сам виноват. Не хрен было стрелять,– Мишка кивнул одному из мордovorотов.– Ну, чего хлебало разинул? Перетяни руку джигиту. А культю в пакет со льдом. Может, пришьют еще обратно хирурги. Шефу тоже можете ручонку упаковать. Все, надоели вы мне. Пошел я,– Мишка вышел из комнаты и, заглянув в следующую, обнаружил там отца, действительно сидящего прикованным наручниками к батарее парового отопления. Перерезал цепочку и помог встать.

– Как ты, па?

– Бывало и лучше. Что там за вой со стрельбами впоремешку?

– Да разборки мелкие между хозяевами. Ты спускайся вниз и жди меня у машины. Я тут еще кое-какие дела решу и через минуту тоже спущусь,– Петр Павлович вышел из квартиры, а Мишка вошел опять в комнату, с вопящими, стонущими и оказывающими помощь «соратниками», подошел к разрезанному столу и поднял пакет с деньгами.

– Извините, пришлось возвращаться. Примета, правда, плохая. Но я не суеверный. Скорую вызвали или забыли?– капитан, опасливо поглядывая на него, кивнул. Мишка обвел комнату глазами, и взгляд его остановился на разбитом зеркале.

– Такую вещь ценную и вдребезги. К несчастью говорят. И действительно – кто разбил, тот сразу и получил. Вот и не верь в приметы. А вот за зеркалом, смотрю, дизайн просматривается вполне современный,– Мишка подошел к зеркалу и вынул из рамы последний сохранившийся фрагмент стекла.

– Сейф никак. Ну-ка взглянем, что там хранят нынче в домашних сейфах умные, предприимчивые люди,– вскрытие дверцы «Перфом» заняло пять секунд. Дверца размером 75х40 см с грохотом упала к ногам «взломщика».

– Та-ак, что здесь? Ну, это деньги нашенские и не нашенские. А вот документы. Что это? О-о-о! Досье! Круто! Так. Капитан Еременко И П. ,– краем глаза Мишка увидел, как дернулся рядом со стонущим «Баритоном», везучий капитан.

– Ты, что ли Еременко И П.? Компромат тут на тебя заведен. Чтобы, значит, слушался. Ну, мне-то это без надобности. На, держи свое досье. Дома в рамочку вставь и на стенку повесь. Будет что внукам в старости рассказать,– Мишка швырнул папку капитану, и тот ловко поймал ее, принялся поспешно листать.

– На вас тут тоже компромат собран, голуби. Дарю,– Мишка пнул ногой пачки денег. – А это вам гонорар от босса за ударную работу. Не перестреляйте тут только друг друга из-за них,– и по алчно блеснувшим глазам понял, что добром эти парни сегодня не разойдутся отсюда.

– Ишь, глазами-то как сверкаете. Нет, ребята, хватит сегодня крови. Вы уж не обессудьте, но пистолетики я ваши приберу от греха. А денег здесь пол сейфа и чтобы вы промеж себя из-за них не перессорились я их поделю по справедливости, на пять частей равных,– Мишка вынул деньги из сейфа, всего их оказалось штук тридцать пачек и в основном все же в долларах сотенных. Дележка «по справедливости» заняла у него пять минут. Каждую пачку Мишка аккуратно разрезал на пять частей и разбросал на пять кучек.

– Ну вот,– полюбовался он на результат дележа. – Все по справедливости. Теперь вам придется какое-то время дружить, пока в банке эти огрызки, на целые не поменяете. Здесь тысяч по 50-т зелеными на брата, не считая деревянных. Налетай, пока я добрый. Ну и папочки с компроматом свои приберите. Шевелитесь, пока шефу не до вас и медики с ментами не понаехали, вас не опередили. А пистолетики я ваши приберу от греха,– Мишка быстро прошел по комнате, собирая разбросанное оружие.

– У тебя, капитан, табельный ствол брать не стану, так уж и быть, а вот обойму придется изъять. Ты уж не обессудь. А наган с Беретгой брать в руки мне противно. И вам я думаю тоже. Хотя, если есть кто-то отчаянный, то ради Бога. Заодно и хвосты соберет, что за этими стволами тянутся. Давай. Есть желающий? Нет? Вот и славно. Пока. Надеюсь, что больше не свидимся,-

спускаясь по лестнице и проходя мимо мусоропровода, поднял квадратную крышку и сгрузил огнестрельное железо в вонючее отверстие:– «Хотя, можно было и покрошить «Перфом» на молекулы. Черт. Хорошая мысль – приходит опосля. Так, теперь отца доставить домой, подкрепиться и в деревню к Сереге»,– однако все сложилось опять не так, как хотелось. Сначала отец, уже в машине, потребовал разъяснений.

– Что за танцы с саблями, Мишка? Мне что теперь ходить и озираться? Эти ведь костоломы меня прямо на улице прихватили и в машину сунули,– пришлось в полправды успокаивать его. Сослался опять на АОЗТ Хомякова.

– Гендер обещал, что охрану выделит всем членам семьи. И даже Федору Леонидовичу.

– Да, что ты там такое для них сделал, что они так о тебе пекутся?– недоумевал Петр Павлович.

– Так получилось, па, что ко мне попала, совершенно случайно, информация о том, что на Хомякова готовится теракт. Заказали, как сейчас говорят. Вот я его, с помощью Федора Леонидовича и предупредил. А Семен Валерьевич естественно подсуетился и злодеев нейтрализовал. Только обошелся с ними мягко – вышвырнул из фирмы без выходного пособия и акции ихние конфисковал, за нанесенный ему моральный ущерб. Вот они и злятся. А меня считают самым крайним. За сегодняшний день – второй наезд. От первого отойти не успел, как они и второй раз подсуетились. Боюсь я, что не успокоятся так просто. За вас боюсь. Поэтому вы пока в ближайшие две недели из дому, без крайней надобности не выходите.

– Да как же не выходить? У меня с этим салоном твоим знаешь сколько беготни? Знаешь сколько согласований нужно пройти в разных инстанциях?

– Знаю, бегал я по этим дистанциям. Парни из службы безопасности АОЗТ тебя будут сопровождать везде, но я бы не хотел сильно этим злоупотреблять. Одно дело, когда вы все кучно в одном месте и другое, когда поразбегаетесь в разные стороны. Людей значит больше выделять нужно Гендеру. Или дробить выделенных. Сам понимаешь – эффективность снижается. А мне нужно уехать недели на две в командировку и связи, скорее всего, со мной опять не будет. Значит, если что-то случится, то расхлебывать придется опять же, все тому же Семену Валерьевичу.

– Это я понимаю. И куда же командировка?

– В Муром. Точнее – рядом с Муромом. Затруднительно будет мне бегать к телефону в том месте, где придется работать.

– А отложить эту командировку нет никакой возможности?

– Нет, пап. Я пообещал быть на месте сбора уже сегодня вечером и переменить ничего не могу уже. Связи нет. Будут ждать и материть. День-то терпит, конечно, но завтра с утра, кровь из носу – крайний срок. Не могу подводить людей. Потом расскажу, когда вернусь.

– Не слишком ли много тайн, Мишка, у тебя в последнее время развелось?– Петр Павлович вздохнул.– Эх, мало, видать, я порол тебя, а теперь уж поздно. Вырос. Под два метра оглобля.

– Да какие там тайны? Прозрачный я, как аквариум. И рост у меня всего – метр восемьдесят. Любишь ты преувеличивать. А порол в самый раз. До сих пор на заднице следы от пряжки есть.

– Ну-у-у?– удивился Петр Павлович.– Врешь, поди? Покажи!

– Ага, час заголюсь прямо за рулем. Может, порулишь тогда хоть за меня, пока я портки скину?

– Нет уж, сам рули. Я такие не умею водить. Мне бы танк или БТР, ну БМП на худой конец,– отказался Петр Павлович от предложения.

– Во, во. Горбач, говорят, 50-т тысяч танков решил под нож пустить за ненадобностью, да не успел. Теперь царь-Борис их утилизирует. Может, купим один для дома, для семьи? Будешь на работу в нем ездить, и охрана не нужна тогда тебе будет.

– Соляры он жрет, собака, не напасешься. Разоримся на заправках. А вообще мысль-то хорошая. Я бы не отказался. Солидно бы выглядел на фоне этих банок консервных,– Петр Павлович разулыбался, представив, очевидно, себя едущим на работу в Т-80-м. – А ведь заговорил таки зубы, шельмец,– спохватился он тут же.– Ох, недаром тебя Жуком дразнят. Жук и есть. Я ведь что спросить-то хотел? Как это ты сумел с десятком обломов договориться, что они тебя так просто выпустили? Потом стрельба эта и вой с визгами. Что это было?

– Ну, во-первых их не десяток, а к моему приходу только шестеро было. Точно десять видел?

– Что я – по-твоему, из ума уже выжил и до десяти считать разучился? И в глазах у меня с перепугу тоже не двоилось.

– Значит, этот хлыщ «Бархатный», куда-то четверых отослал, пока я добирался сорок минут.

– Ты от ответа не уваливай?– Петр Павлович вцепился бульдожьей хваткой. А Мишка сморщил недовольную гримасу:– «Опять лапшу на уши вешать. И правду сказать нельзя. Не поверит, даже если и скажу. Да и долго. Тем более про цилиндры эти допотопные»,– пришлось выкручиваться.

– Да есть у меня пара средств, импортных. По случаю приобрел. Очень эффективные и убедительные,– Мишка облегченно вздохнул, припарковываясь рядом с домом на набережной. Отцовским теперь новым адресом.

Глава 2

– Вот как? Недомолвками норовишь? Жу-у-ук, ей Богу Жук! Может, покажешь средства эти? Как хоть они выглядят? Темнишь ты что-то, сын! Чует мое сердце. Ведь тебя там запросто застрелить могли!!! А вот это что?– Петр Павлович сунул Мишке под нос руку скованную кольцом наручников, с болтающейся цепочкой из трех звеньев.

– А – это резачок такой универсальный по металлу, на ультразвуке – «Перф» называется.

– По случаю?– Петр Павлович хмыкнул.

– По случаю. Эксклюзивная вещь. На стадии разработки. Испытания проходит пока. Вот думаю, не заняться ли производством.

– Покажи?– Мишка отстегнул от ремня цилиндр «Перфоратора».

– И как работает эта хреновина?

– Сейчас ни как,– схитрил Мишка.– В лабораторию АОЗТ сдать нужно на перезарядку. Но вот такую цепочку перебивает запросто, когда работает. Аккумулятор слабенький пока. Емкость маленькая. Быстро закисает.

– Резак. Нож ультразвуковой. То-то они там выли, как резаные. И сколько народу побил ножичком этим?– Петр Павлович хмуро вертел в руке «Перф».

– Да живы все остались. Пострадал немного. Показал, что эта штукавина может, оружие изъял и все. Без летальных последствий. Пистолы ихние в мусоропровод выбросил.

– Ума у тебя! Ведь найдут их те же дворники и опять пойдут гулять по рукам. Надо было дожидаться милицию и сдать этих гавриков, вместе с их железом, в руки МВД,– Петр Павлович продолжал хмуриться.

– Па, ты еще в МВД веруешь? Да там коррумпированность самая высокая из всех государственных структур. С криминалом уже лет пять, как срослись, так плотно, что не поймешь, где начинаются «братки» и заканчиваются менты. И наоборот. Даже пальцы растопыривают одинаково. Знаешь, как в народе теперь ментов называют? Воры в законе!

– Да знаю я. За тебя переживаю. Как бы эти «воры в законе» не взялись шерстить.

– Вот и поэтому тоже уехать мне нужно. Пока Семен Валерьевич все утрясет. У него есть рычаги воздействия. Думаю, что через пару недель вернусь, и все уже будет окэй.

– Хорошая вещь этот резачок, но думаю я, что выпускать его сейчас не самое подходящее время. Криминальное уж больно. Его ведь кто, прежде всего, примется приобретать, за любые деньги причем? Бандюганы всякие, конечно. Это же универсальный ключ от любого замка. Нет, Миш, я не советую это выпускать серийно. Для спецов и то, под расписку и клятву на Библии. Хотя я бы иметь такую, не отказался бы в хозяйстве. На сколько его зарядки хватает?

– Хватает-то надолго, часов на десять, но я им работал до этого и заряжен он был не полностью. Я тебе покажу как им пользоваться и оставлю, пожалуй – для самообороны. Съезжу, заряду и пользуйся, только на себя не направляй, он до метра может травмировать.

– Ты меня совсем что-то этим «Перфом» запугал. Прямо меч джидая из звездных войн. Только не светится.

– У джидаяев он подольше работает. Вроде как вечно и рукоять помощнее. А тут видишь диаметр, чуть потолще карандаша – 20 миллиметров. И потом у них в кино это фантастика и трюкачество киношное, под эту фантастику, а у нас настоящий инструмент. Хотя я с тобой согласен, что серийно его выпускать, пока не следует. Разве что использовать принцип для бурения скважин нефтяных. Экономия на бурах алмазных просто колоссальная будет. Там же коронки по сто тысяч и более стоят «баксов». А что попроще, те в десятки тысяч оцениваются.

– Да-а-а. В промышленности конечно вещь нужная. Главное чтобы никто не пронюхал, что этот принцип можно в компактной форме использовать. Это же оружие ближнего боя. Куда там штыку винтовки Мосина, трехгранному, в полметра.

– Ну, вот и не рассказывай никому о нем. У него секрет есть. Что бы кто-то случайно не активировал. Я потом покажу, и пользоваться сможешь им только ты.

– Та-а-ак. С ножом разобрались, а что там еще у тебя на вооружении? Ты ведь во множественном числе о средствах проговорился. Давай уж выкладывай, не томи.

– Ну, пап. Тебе мало ножа?

– Не юли. С одним ножом и даже таким, против огнестрела? Не смехи мои хромовые сандали, парень.

– Ну, что за феня казарменная, Петр Павлович?

– Давай, давай. Колись, Михаил Петрович.

– Хорошо, только давай сразу договоримся вот о чем. Вещица, которую я тебе сейчас покажу и вовсе из разряда фантастических и технологических процессов, которые в ней используются, я пока и сам не знаю. Поэтому просто слушай, принимай, как факт и все. Договорились?

– Ну что ты как пацан пятилетний? Доставай уже свое средство. Бронежилет что ли?

– Стопроцентное попадание. Ну, ты, папка, даешь! Он самый! Вот,– Мишка вытащил пластину фиолетовую и протянул отцу.

– Ну, и чего ты мне этот пульт управления суешь? Работает как?

– Во, блин,– Мишка положил пластину на ладонь и хлопнул по ней другой.– Все.

– Что все?

– Включил. Теперь вокруг меня поле какое-то хитрое эта приспособа вертит и его даже из пушки не проломить.

– Издеваешься?– Петр Павлович постучал довольно чувствительно Мишке пальцем по лбу.– Думаешь, как это у вас говорят, лоха из меня сделать? Чего скривился? Извини, не считал малость. Так ты ведь сам сказал, что поле теперь, пушкой не пробиваемое, вокруг тебя? Юморист.

– Пап, поле действительно есть везде, кроме лица. На лицо забрало дополнительно одевать полагается, но его в комплекте этом – моем, нет к сожалению. Так что, если что, то руками лицо прикрывать нужно.

– Значит, я могу тебе сейчас по шее врезать, и ты даже не обидишься?– Петр Павлович потер руки и прищурил левый глаз, прицеливаясь к Мишкиной шее.

– Нет, не обижусь. Не перестарайся только. Руку травмировать можно.

– Вот как? Шею свою не жалко, а руку мою пожалел? Ну, спасибо, сын. Признаюсь честно. Рука у меня уже на твой загрибок дня три, как чешется. Можно врезать?

– Врежь.

– Без обид?

– Без.

– На-а. Оххх-хой. Мать твоя – гаубица,– Петр Павлович затряс отшибленной рукой.

– Ну, убедил?

– Убедил. Что же это за поле такое?

– Да говорил же я тебе, что сам в этой технологии ничего не понимаю. В обращении проста. Активируется хлопком, деактивируется серией из десяти хлопков. Вот так. Энергию вот только сосет прямо из человека, поэтому носить долго нельзя. Я вот сегодня ее минут пятнадцать всего носил, а есть теперь хочу, как стая волков в лютую стужу. Ну и лицо не защищено – это минус №2-а. В совокупности с «Перфом», превращает обладателя в супермена. Попробуй,– Мишка протянул отцу пластину.– «Завеса» – официальное наименование,– Петр Павлович осторожно взял фиолетовый квадрат и, положив на ладонь, хлопнул.

– Достаточно? Или сильнее нужно?

– Нормально. Сейчас проверим,– Мишка ударил отца кулаком в плечо.

– Ну как?

– Ни как!

– Значит работает. Или ногой пнуть?

– Но, но. Не увлекайся. Привыкнешь еще!– Петр Павлович похлопал себя по коленям.

– Ноль. Теперь понятно, почему эти орлы такими сговорчивыми сделались, когда ты пришел. Оставишь мне, или самому нужна?

– Оставлю. Тебе нужнее. Пошли в дом что ли? Вон в окне Федор Леонидович с мамой высунулись.

– Пошли.

На лестничной площадке их встретили трое парней, гренадерского телосложения. Один из них прогудел, шагнув навстречу:

– Вы что ли будете, Михаил Петрович?– обратился он к Петру Павловичу и тот, отмахнувшись, ткнул в Мишку:

– Он это,– гренадер обескуражено взглянул на Мишку и прогудел:

– Тогда мы в ваше распоряжение от Семен Валерыча. Охрана. Секьюритисы, телохраны. Да вы не сомневайтесь. Все подготовку прошли, дело свое знаем глухо. Наша телега рядом с вашей стоит. Там еще наш один сидит. Водила. Я вас потом представлю. Я старший в группе. Кириллом зовут, как попугая вашего, тезки значит. Только Кирюхой не называйте, не люблю. Это Виктор, это Саня. И в машине Евгений,– Мишка и Петр Павлович пожали парням руки.

– Ну, проходите, мужики, в дом. Там за чаем все и обговорим, во всех подробностях. Зовите Евгения. Чего ему там сидеть? Не угонят, пади автомобиль ваш без него,– Мишка подмигнул тезке Кирюхи.

– Час позову,– тезка попугая, открыл форточку окна на лестничной площадке и крикнул, сидящему в «девятке» бойцу:

– Евген, давай в хату.

Получивший «Завесу и Перф» Петр Павлович, наотрез отказался от личного телохранителя.

– Михаил завтра уезжает и его не будет две недели. Ваша задача, ребята, обеспечить охрану Федору Леонидовичу и Нине Андреевне. Мне она без надобности, обойдусь.

– Петр Павлович,– загудел Кирилл.– Нам приказано троих опекать. Сами понимаете, нарушить мы не можем.

– Хорошо, вы получите поправку от начальства, насчет меня.

– А что это ты распетушился?– Нина Андреевна, уперла руки в боки.– Как это охрана тебе без надобности? Это мне она без надобности. Я могу и из дому не выходить эти две недели. И Федор Леонидович тоже. А вот ты как раз наоборот будешь по городу носиться, днями и ночами. Никакого героизма. Ты мне нужен живым и здоровым, а не в виде памятника на кладбище или в коляске инвалидной.

– Правильно Нина Андреевна говорит,– опять прогудел тезка Кирюхи.

– Пап, не спорь,– Мишка примирительно положил руку на плечо отца.– Они правы.

– Ладно,– смирился тот.– Будь по-вашему.

– Ребятки, я вас сейчас ужином накормлю,– засуетилась Нина Андреевна.

– Не положено. Приказа не было,– отказался за всех парней старший группы – Кирилл.

– А запрета тоже на сей счет не было. Давайте к столу. И не возражать старшему по званию. Выполнять,– Петр Павлович подпустил в голос командного металла, и это подействовало убедительнее всяких слов. Бодигарды разве что только по стойке смирно не вытянулись при этом и, рывкнув в четыре глотки «Есть», дружно шагнули к столу.

– Орлы!– похвалил их полковник в отставке.– Спецпура? ВДВ?

– Так точно, оттуда.

– Давай, мать, корми бойцов.

– Смена у нас в 9.00,– Кирилл, уплетая за обе щеки домашний борщ, не забывал о том, что он на службе и знакомил подопечных с распорядком дня.– Сменщиков тоже четверо. Познакомлю завтра. Борщец у вас, Нина Андреевна, как у мамы моей. Даже дом вспомнился родной.

– А ты откуда сам, Кирюша,– Нина Андреевна сидела напротив, подперев подбородок кулаком.

– Курские мы. Курчане, Нина Андреевна,– шмыгнул носом Кирилл и голос его, перестав быть вдруг гундосым, зазвенел тенором.

– Ох, соловьи там у вас говорят какие,– Нина Андреевна подлила без спросу всем бойцам и Мишке по половничку борща.– Ни кто, даже из вежливости, возражать не стал.

– Да-а-а. Соловьи у нас!– Кирилл ложкой орудовать перестал и вдруг сложив как-то по особенному губы, выдал такую трель, что все, даже его сослуживцы, замерли с открытыми ртами.

– Ну, команди-и-р!– протянул восхищенно водила по имени Евгений.– Талант такой скрывал от народа.

– Да какой там талант?– засмутился Кирилл.– Вот вы бы батяню моего послушали. Вот уж кто кренделя высвистывать мастер. Соловьи замолкали, послушать. Вот те крест не вру.

– Да верим, верим, Кирюша. Вы ешьте, ешьте. У меня еще котлетки приготовлены,– Нина Андреевна засуетилась у плиты.– Вот и будете теперь нас по утрам трелями соловьиными будить. Как услышим, значит, вы пришли. Договорились?

– Да чего там? Мне не трудно. Теперь про порядок охраны. Велено по бойцу у каждого человека держать. Сопровождать неотлучно всюду. Вне дома конечно. Оружие табельное нам выдано, но закона о, охране людей у нас нет пока, поэтому нам нужно с вами заключить договора об охране имущества или денежной суммы. Имущества личного. Часы, например, или сапоги. Все что угодно, хоть носки. Тогда мы в правовом поле РФ.

– Дурь какая-то,– высказал свое мнение Петр Павлович.– Давай бумаги. Где там чего написать? Пишу; часы и трусы. Годится?

– Годится,– загудел опять Кирилл.– Дурь, конечно, а что делать, если закона о телохранах нет? Об имуществе есть. Вот по нему и работаем. Зато можем оружие даже применять для его защиты. Чтобы не пострадало от рук злыдней. Киллер-то может не в лоб попасть клиенту, а в имущество, ну вот как у вас скажем в часы или, извиняюсь в трусы, и испортить целостность имущества. Ну, а тут мы и прикроем его. Имущество. А по возможности и злодею головушку открутим, если убежать не успеет.

– Так значит работаете? А разрешение на ношение оружие есть у вас?

– Обижаете, товарищ полковник. Мы фирма солидная. Все как положено. И справки с печатями, и номера в удостоверения вписаны.

– Кирюша хорроший,– своевременно влез в разговор попугай Кирюха, рассмешив всех сидящих за столом.– Давай, наливай,– продолжил Кирюха, сидя на плече у Федора Леонидовича.

– Ой, действительно. Мальчики, кто что будет? Чай, кофе растворимый? Сок есть.

– Мы чай, Нина Андреевна, если можно?– Кирилл, как старший в группе сделал выбор за всех.

Из-за стола телохранители еле выползли, загруженные борщом, котлетами и чаем с вареньем и печеньем.

– Ну, спасибо вам, Нина Андреевна, как домой все равно в отпуск съездил. Очень у вас все вкусно. Только вы уж в другой раз не беспокойтесь. Мы с собой бутерброды берем и чай в термосе, а потом что-то и в городе перехватываем. Мы же понимаем. Такую ораву каждый день кормить если, то сами без продуктов останетесь,– Кирилл – попугаев тезка, смущенно

переминался в прихожей, с ноги на ногу. – Да и начальство наше строго к таким вещам относится. Нарушение это, правил установленных.

– Да что вы, ребята. Какая тягость? Мужики мои хорошо теперь зарабатывают. А мне, что на троих готовить, что на десятерых. По времени то и не очень дольше. А если кто из вас еще и по магазинам пробежится, так и вовсе еще и время мне сэкономите. Опять же за мной таскаться не надо сзади охвостьем и часы мои ржавые сторожить. А начальству вашему мы докладывать ничего не будем.

– А часы у тебя положим не ржавые, а совсем даже наоборот золотые, – обиженно пробурчал Петр Павлович. – Чего это ты, мать, меня перед служивыми позоришь?

– Ну, золотые, золотые. Извини, золотко. Пошутила я. Ребята же понимают?

– Понима-ем, – дружно закивали бодигарды, вываливаясь на лестничную площадку.

– Вот и хорошо. Значит, завтра утром жду вас к нам на чай утренний, я таких блинчиков напеку, что вы не только мам своих вспомните, но даже и бабушек.

– Хорошо-о, – опять дружно закивали бойцы.

Утром Мишка проснулся от соловьиных трелей и запаха свежее испеченных блинов. Сладко потянувшись, он взглянул на часы – 8.00.

– Ма-а-а, это там не Кирилл заливается под окном? – из кухни выглянула Нина Андреевна.

– Какой талант!!! Батюшки!!! В человеке!!! Минут уже пять заливается и ни разу не повторился!!!

– Ну, так и стимул-то какой? – Мишка выпрыгнул из постели и помчался в ванную.

– Какой? – Нина Андреевна успела спросить, но Мишка уже включил воду. И только через десять минут, когда он уже сидел за столом, повторила ласково:

– Так что там за стимул у «соловья»?

– Да блины я думаю твои, разрекламированные вчера на прощанье. Кого они там вспомнят, когда их отведают? Бабушек своих покойных?

– Типун тебе на язык. Да разве я покойниц имела в виду? Они же все парни-то молодые. Чуток тебя постарше и бабушки у них значит тоже молодые. Дурачок!! – Нина Андреевна постучала Мишке кулачком по лбу. – Зови-ка давай гвардейцев, завтракать пора. Хватит им этого? – у Мишки чуть глаза на лоб не полезли.

– Да ты что, ма, в пять утра, что ли встала? Башня Вавилонская из блинов. Да тут на роту.

– Ну, не в пять, а в шесть и никакая не башня. Просто вы с отцом малоежки. Я с вами всю квалификацию растеряю. И уж пусть лучше останется, чем не хватит. Зови, – Мишка открыл окно и рявкнул:

– Эй, парни, поднимайтесь сюда срочно, помощь требуется. Все, – соловей сразу щелкать перестал и через минуту в прихожей уже толпились вчерашние четверо и новая смена. Всего восемь человек.

– Ну вот, а ты говоришь «башня». Мальчики, к столу, – мальчики, стесняясь и тихо здороваясь, прошли на кухню, и расселись вокруг стола, – Мишка прыснул по-мальчишечьи, наблюдая, как здоровенные мужики, наверняка воевавшие в Афгане или в других горячих точках, краснеют, как дети и прячут под стол свои грубые, солдатские руки.

– Да вы не стесняйтесь, – Нина Андреевна поставила «Вавилонскую башню» из блинов на середину стола. Вон мой оболтус сомневается, что вы такое количество осилите. Что тут есть? Вот сметанка, масло сливочное. Чайничек, заварочка. Сами распорядитесь, а мы с Мишаней вам мешать не будем. Тарелки, чашки, вилки. Через полчаса прихожу и уже чтобы, блинов не было. Время пошло, – и на часы свои посмотрела, время засекая. – Пошли, Мишаня, – вышли, прикрыв кухонную дверь.

– Отец сказал, что уезжаешь сегодня? – Нина Андреевна вздохнула. – Когда ждать?

– Через две недельки буду. Да ты не переживай, ма. Хорошая командировка. На природе, в лесу в основном. Под Муром едем. На родину Ильи Муромца.

– Муромца говоришь? Ох, Мишутка, не нравятся мне что-то твои командировки. И деньги эти шальные тоже не нравятся. Хорошо, конечно, что квартиру купили в этом доме. Всегда мечтала в таком пожить. С нормальными потолками. Но что-то не спокойно как-то на сердце, который день уже. Особенно вчера весь день места себе не находила. Подумала, уж не случилось ли, с которымнибудь чего. Пока машину твою в окне не увидела, с вами в ней сидящими, все дергалась. Где вот вас вчера носило?

– Мам, ну сама понимаешь, дел накопилось. Фирма опять же, – стал оправдываться Мишка, а сам подумал: – «Ну, мать, вот кто экстросенс-то у нас в семье. Не мне чета», – и чтобы отвлечь мать от мыслей тревожных, принялся рассказывать ей о салоне, в котором и ей отведена немаловажная роль бухгалтера.

– Отец-то куда, с утра самого убежал? Да еще и без охраны?

– Да у Федора Леонидовича он. Взял первую партию блинов, да и попер к нему чай пить. Какой человек замечательный. Редкий человек. А говорит как! Вот ведь повезло тебе его встретить. А попугай-Кирюха потешный какой. Знаешь, что он вчера сказал, когда вас не было днем?

– Да я весь его репертуар наизусть знаю, пади, что – «Михаил прав»?

– Ну, это он и раньше говорил. А тут новую фразу выдал, умничка, – Нина Андреевна интригующе замолчала.

– Ма-а-а, Ну говори уже. Чего он там такого гениального ляпнул?

– Сказал.

– Ну-у-у!!!

– Михаила женить поррра! – засмеялась Нина Андреевна.

– Ма-а-а-а. Ну что это за приколы? Не мог он такого сказать. А если сказал, то вы же ему в уши и надудели с Академиком.

– Не учили мы его ничему. Просто умничка.

– И вообще рано мне еще жениться, если ты к этому клонишь. Молодой ыщцо. Рано.

– Рано – не поздно «молодой ыщцо».

– Ладно, мам, мне пора. Зайду к Леонидычу, до свиданья сказать и вперед. Деньги я вчера привез из квартиры своей. В сервант положил. Скажешь отцу, пусть берет сколько нужно. Ну и сама, на нужды хозяйственные, не стесняйся. Гвардейцы-то и рубают по-гвардейски. Все, целую, – и ушел.

Кирюха встретил его новой фразой. Сел на плечо и переступая с лапы на лапу, каркнул прямо в ухо:

– Миххаилла женить поррра, – Мишка недовольно покосился на него:

– Ну, ты, оракул. Сам-то что не женат? Вот вернусь из командировки и обязательно подыщу тебе подругу. Она тебе перья-то повыщипает, говоруну.

– Миххаил пррав, Миххаил пррав, – заподлизывался Кирюха.

Петр Павлович и Федор Леонидович, сидящие за столом, улыбаясь, слушали диалог Мишки с Кирюхой.

– Я на минутку, до свиданья сказать. Уезжаю. Держи, па, «Перф». Включается вот так. Сейчас он настроен на мои параметры. Я их снимаю и теперь тебе нужно зайти в помещение звукоизолированное и, поворачивая затыльник, произнести фразу. Любую. Там голосовой идентификатор и папиллярный. Только при совмещении этих данных, прибор доступен для работы. У нас в квартире кладовушка для этого очень подходит. Я проверял. Она в глубине и дверь плотно подогнана. Хороший ремонт «Колобок» все же сделал. Мамуле, правда, расцветки обоев не нравятся, а остальное выше всяких похвал. Запомни, что фраза и поворот должны осуществляться одновременно. Нейтральную подбери. Без фанатизма.

– Да уж соображу как-нибудь. Сколько часов говоришь он работает?

– Непрерывно если использовать, то минимум часов десять. И пучок там очень узкий. Имей это в виду. Выйди в парк и на сухих ветках попробуй привыкнуть. Заодно и пользу природе принесешь.

– О чем это вы?– наконец не утерпел Федор Леонидович.

– Пап, Федору Леонидовичу можешь рассказывать все. А мне, извините пора. Через две недельки сядем и подробненько обо всем поговорим. Леонидович, ты не обижайся. Действительно спешу. Ждут меня уже со вчерашнего дня. И уже, наверное, непечатно поминают. Бриллиантами посыпают из крепких слов, если по-вашему.

– Ну что ты, Михаил Петрович, какие обиды? Я понимаю. Давай я тебя перекрещу на дорожку, чтобы попутный ветер и все такое прочее валило куда нужно. Поезжай голубчик. Вернешься, поговорим,– Мишка обнял отца и Академика.

– Все. Ушел. Не провожайте. Дверь захлопну.

Глава 3

К дому Евлампия Силиверстовича Мишка подъехал в полдень. Из калитки навстречу выскочил Леопольд и кинулся на шею с истошным визгом. Соскучилась псина. Так в обнимку с ним на подворье и ввалился. Серега с дедулей спускались с крыльца.

– Ну, наконец-то. Что не разгрести завалы было? Здоровая!

– Не то слово. Привет. Хорошо, что «Перф» с «Завесой» взять ты посоветовал. Там на меня прямо «сафари» натуральное открыли эти опущенные Хомяковым. Счеты решили свести. Пришлось просить его выделить охрану для семьи. Ну и квартиру я у «Колобка» купил для предков. Переезд, то се. Сами понимаете,– отчитался Мишка коротенько.

– Как же тебе удалось этого «Пузыря» уговорить?– удивился Серега.

– Да он сам решил свалить от, туда. Дискомфортно ему стало. Удачно я появился. Теперь Леонидыч и родители на одной площадке живут. И он под присмотром, и мне удобно. А у Вас тут как? Здравствуйте, Агафья Тихоновна,– Мишка обнял вышедшую на крыльцо бабулю.

– Здравствуй, Мишаня. Приехал? В самый раз поспел. Мы обедать сели. Проходи.

– Чего нового? Ну, пообщался я еще с несколькими высоколобыми допотопниками или пред-потопниками, уж не знаю, как и правильнее,– Серега многозначительно взглянул на Мишку.

– Да без разницы, наверное. Не тяни кота за хвост.

– Я их много о чем порасспросил. Всего так сразу не расскажешь. Главное другое. Там доступ свободный во все их архивы научные. Чертежи подробнейшие чего угодно. Той же «Оспы». Вся технологическая цепочка. Хоть сейчас производство открывай. С телефонами разобрался. У нас ведь уже тоже появились спутниковые – для массового потребителя, но пока дубового исполнения. Т.е. спутники летают. А это значит, что телефон можно использовать по прямому назначению. И в телефонах этих система открытого доступа. Ну-у-у, как тебе объяснить? В общем, современные, через оператора работают. Он им доступ открывает, за абонентную плату. А этому оператор не нужен. Пеленгует сигнал и по нему входит в систему. Оплата у них там была централизованная, единая. В общем, если у тебя есть абонент с номером, то набирай его и говори. С точки зрения хозяев спутника – это пиратство и незаконное использование чужой собственности, без разрешения собственника. Уголовно наказуемое деяние, но вот отследить этого "пирата" они пока возможностей не имеют. А может и даже сам факт пиратства этого не заметят.

– У меня есть такой номерок – Хомяков свою визитку дал. У него финский – «Нокия». Здоровенный такой и стоит две тысячи зеленою. Прикинь!!!

– Так ты можешь ему с нашего звонить.

– Как? Там же хрен поймешь эти значки. Номер же набрать нужно,– досадливо поморщился Мишка.

– Да разобрался я с нумерологией. Принцип десятичный у них такой же, как и у нас. Обозначения, конечно, цифирья не совпадают, но я не поленился и табличку составил. Вот смотри,– Серега вынул из кармана свернутый лист.– Вот их однерка, вот двойка, ну и т.д. Я и на клавишах в телефоне наши обозначения уже налепил клеем «Момент». Три часа провозился, пока кругляшки из пластика вырезал и цифирки выцарапывал. Зато получилось, глянь чего,– Серега вынул телефон и сдвинул панель. А под ней Мишка увидел аккуратные три ряда циферок от 0 и до 9-ти.

– Некоторые клавиши пока не функциональны, но как телефон уже использовать можно. Если хочешь, то попробуй. Недостаток только один. Тебе позвонить никто не может. А может наоборот достоинство это, а Миш?

– Не знаю. Попробовать можно конечно. Только давай попозже. После обеда. Сядем и проверим.

– Давай. Не горит, конечно.

– Ну что, парни?– Евлампий Силиверстович, сидящий за обеденным столом, вопросительно окинул друзей взглядом из под седых, лохматых бровей.– Какие планы дальнейшие?

– В Муром, наверное, сперва смотаемся. Туда зеленый свет. Думаю, что откладывать нельзя. С нами, Евлампий Силиверстович?

– Если возьмете, то прогуляюсь. Оно ведь рядом теперь все.

– Да, мы к ужину и вернемся. Осмотримся там. Аппарат проверим и назад. Посмотрел я карту Владимирской области и даже с собой ее прихватил. У Леонидыча позаимствовал. Так вот монастырей в городе Муроме несколько и наш, скорее всего тот, что на самом берегу Оки расположился, почти на окраине. Кстати, и село Карачарово знаменитое там же рядом. В котором Илюха Муромец родился и на печи сидел 33-и года. Так вот на другой стороне реки карьеры обозначены довольно протяженные. Видать камень ломали на постройки. Скорее всего, там и есть схрон нам нужный. А монастырь не действующий. Его то ли в 19-том, толи в 20-м большевики прикрыли. Что там теперь, на его территории я не смог выяснить. А назывался Спаско-Преображенский. Один из самых древнейших в России. Старше его только Киевско-Печерский. В 1015-том году основан.

– Это где же ты столько информации нарыл по монастырю?– Серега поднялся из-за стола. – Спасибо, бабуль.

– В Публичку пришлось заскочить и в энциклопедии пошуршать.– Но там не так уж и много нароешь. У нас вообще с этим туго. С информацией о культовых сооружениях. Ну, церковных. Наверное – отрыжка советской власти. Душили комуняки церковь, ну и задвигали все в углы темные. Теперь-то вроде и архивы стали доступнее и запретов прежних нет, но найти что-то конкретное пока не просто. Да, я особенно и не искал, правда. Так, глянул мельком. Вряд ли нам подробные планы построек монастырских понадобятся. А что это у вас аппаратура открытой стоит? Может убрать ее с глаз куда-нибудь поукромнее?

– Куда? В погреб что ли? Или на чердак затащить? Мне, Миха, одному такую гирю, извини, по лестницам таскать, как-то не хотелось. А Евлампий Силиверстович тут не помощник. Тем более что мы ведь так и не решили, что с этим всем барахлом делать станем. Пока Тихоновна, вон полотенцем в петухах прикрыла. Из Мурома вернемся, тогда и решим.

– И чего тогда телимся? Спасибо, Агафья Тихоновна. Нужно мне вас с мамой познакомиться. Она у меня тоже повариха от Бога.

– Так пусть к нам приезжают. Рады будем гостям,– Агафья Тихоновна улыбнулась.– Как мать-то зовут, Мишаня?

– Ниной Андреевной.

– Ниной значит. Была у меня подружка в девках, Нинкой тоже звалась. Замуж потом за морячка проезжего, перед самой войной выскочила, да и подалась за ним на севера. С тех пор и не видались.

– Ты, мать, еще гражданскую войну вспомни. Больно им про твою Нинку слышать надо,– Силиверстович встал тоже из-за стола.– Бог наплат – никто не видал.

– А что гражданская? Я тогда совсем девчонкой мелкой еще была и помню только, что голодно было и холодно, больше и вспоминать-то нечего.

– Спасибо, мать, за щи, да кашу. Собери-ка нам чего-нибудь с собой. Кто знает, сколько мы там пробудем. Вдруг задержаться, не дай Бог придется.

– Тебя-то старого куда несет? Сидел бы уж, не дергался в даль-то такую,– Тихоновна укоризненно покачала головой.– Все нейдется? Каким был непоседой в парнях, таким и помрешь видать на бегу.

– Помирать нам, мать, пока рановато, как в песне той поется. Есть у нас еще дома дела. Нако вот мешок, продукты упакуй.

– На сколько положить? Сколь вас не будет?

– Для тебя до вечера, а вот как у нас там время сложится, про то только Богу одному и известно пока. Давай, Серьга, готовь шарманку,– Евлампий Силиверстович взял табурет и присел рядом с цилиндром.– Я готов к экскурсии.

– Ну что, Миха, в какой день нырнем? Может подальше в прошлое, чтобы не суетился никто под ногами? Когда там вообще никого рядом даже не было в помине,– Серега занес руки над клавиатурой.

– А я бы наоборот, куда-нибудь в интересное время переместился. Вот хоть в 19-тый. Там мятеж белый комиссары давили и шумно, конечно, было. Зато интересно.

– Ты уверен, что именно в 19-том году? А месяц, день какие?

– Да записал я на всякий случай. Держи,– Мишка достал из кармана записную книжку.– Вот здесь,– ткнул он пальцем в страницу.– Мятеж белогвардейцев, возглавляемый полковником Сахаровым. Н. П. -8 – 9 июля 1918 года. Блин, ну память у меня. Извини, год перепутал.

– Ничего себе, «извини, год перепутал», троечник хренов. Внимательнее быть надо, тут тебе не здесь. И что? Всего-то два дня и повоевали? Видать большевички покрепче оказались в этом Муроме,– проворчал Серега.– Ты олигарху своему звонить будешь? Или хрен с ней со связью?– напомнил он.

– Можно попробовать,– Мишка набрал на клавиатуре номер телефона Хомякова. С. В. и на удивление быстро услышал.

– Слушаю вас,– Мишка радостно улыбнулся и показал Сереге большой палец:– «Есть контакт».

– Здравствуйте, Семен Валерьевич. Михаил беспокоит.

– Здравствуйте, Михаил Петрович. Проблемы?

– Нет, Семен Валерьевич. Связь проверяю. Я по случаю приобрел нечто подобное вашему аппарату. Не фирма «Нокия», но тоже контора солидная. Вот и решил проверить, как он работает.

– Слышимость вполне устойчива, но вот мой определитель номеров, выводит на экран полную ахиною. Иероглифы китайские. Вы номер можете сообщить свой?

– Нет, Семен Валерьевич. Номер не могу. Закодирован, вот этими самыми иероглифами. У вас есть система архивации абонентов?

– Есть такая функция в аппарате. «Телефонная книга»– называется.

– Попробуйте занести эти иероглифы в нее и отзвониться оттуда. Такое возможно для «Нокии»?

– Да. Попробую,– Семен Валерьевич отключился и через минуту «допотопный» аппарат, у Мишки в руке, издал короткую мелодию.

– Слушаю. Сработало. Я по приезде, при личной встрече, все вам объясню. Боюсь, что это не телефонный разговор. Хорошо. Спасибо. Всего доброго, до свидания, Семен Валерьевич,– Мишка задвинул панель на место, прерывая связь.

– Ну вот, все гораздо лучше, чем ты каркал, Серега. Двухсторонняя связь у нас имеется.

– Слушай, Миха, я вот только что подумал. А почему мы не можем звонить на обычный телефон? Олигарх же дозванивается? Ну вот. Попробуй. Звякни кому-нибудь,– Мишка понимающе кивнул и набрал номер Федора Леонидовича. Соединение так же прошло успешно, и Мишка опять показал Сереге большой палец.

– Здравствуй, Федор Леонидович. Михаил. Я уже на месте и вот оказия подвернулась позвонить. Как там вы? Рад. Ну, привет там всем и Кирюхе с Васькой тоже. Нет, номера нет. Буду позванивать периодически. До свидания. И вам,– Мишка прервал связь.– Все даже лучше, чем мы думали, но вот с этими номерами связь действительно будет односторонней. Нет у

них функций памяти на номера звонившие. У Леонидовича вообще дисковый. Да, Серега, покаяться хочу. Мне ведь из-за «сафари» этого пришлось отцу «Перф» и «Завесу» оставить. Испугался я за них. А так, если что, то он там всех разнесет к чертям собачьим. Мужик-то он у меня боевой. Зря, что ли в СА 25 лет отбарабанил, как медный котелок. Сказал ему, что вещицы импортные, по случаю прикупил и он не особенно-то и удивился. Да и не из болтливых опять же.

– Да я что? Твое право. Плохо, что круг посвященных расширяется. Для нас в первую очередь. Нука про «сафари» подробнее расскажи, – Мишка стал припоминать подробности.

– Да-а-а! Значит, там четверым ручонки вместе со стволами отчекрыжил «Перфом» и там двоим. Еще значит шестеро «посвященных». Особенно двое последних, опасны. Может вернуться во вчера и переиграть все?

– Как? Грохнуть всех? Нет уж, это не для моих нервов. Извини.

– Ну, мокрушничать и я бы не хотел. Может службу безопасности АОЗТ привлечь заранее?

– Вряд ли получится. Особенно для меня, там наверняка форс-мажор на этот день. Опасен он для моего драгоценного здоровья. Тебя-то пропустит система контроля возможно, нужно на календарь доступа взглянуть. Давай пока не вмешиваться. Пока все нормально идет. Ну а если что, то всегда можно туда смотаться и подкорректировать. Погнали в Муром сначала, в 1918-ый. Посмотрим на мятеж и с аппаратом тамошним разберемся. Как вы думаете, Евлампий Силиверстович?

– Я думаю, что в Муром. Мать, носи торбу с харчами. Уходим, – Силиверстович встал и принял из рук Агафьи Тихоновны рюкзак.

– Я сейчас амуницию соберу для всех. Хорошо, что у нас «Завес» в запасе достаточно. Держите по паре штук. Мало ли что. Стреляют ведь там. Ну, и «Оспы» с магазинами. Принимайте ваши рюкзаки. А теперь параметры. Смотри, Миха, там дни эти вполне нормальными показаны. Температура воздуха + 27, ветер 2 метра в секунду. Ну, давление и прочая мура бактериологическая нам по барабану. Пока, бабуля. Поехали.

То место где они оказались через секунду, чем-чем а уж уютом и комфортом не отличалось. Обычная пещера, с усыпанным каменным крошевом полом. Или как это называется в пещерах? Даже не пещера, а пещерка, еле их троих с поклажей в себя вместившая. Метра три квадратных. Абсолютно пустая и с довольно просторным входом, она была освещена солнцем и для взгляда даже самого заинтересованного и внимательного, ничего примечательного из себя не представляла.

– В стенах по-видимому где-то тайничок нужно искать. Вот и металлодетектор пригодится. Ну что? Окрестности для начала осмотрим? – Серега шагнул из пещерки и громко чертыхнулся, споткнувшись о камень. – Осторожнее, здесь все такими кущами заросло, что впору «Перфом» прорубаться, – и затрещал кустарником. Силиверстович и Мишка двинулись за ним следом.

Пещерка входом оказалась развернута к городу, который раскинулся на противоположном берегу Оки. Назвать этот населенный пункт городом в современном Мишке смысле, у него бы язык не повернулся. Большая деревня скорее уж. Преимущественно одноэтажная и деревянная. Или село. Деревню ведь что в село превращает? Храмы конечно. А вот их тут на три села хватило бы. Луковки церковные, посверкивали на солнце золотом, и было их числом пару десятков.

Прямо напротив пещеры, вообще собор пятиглавый возвышается. Видимо монастырский.

Мишка достал бинокль из экипировки и взглянул на город через него: – «Все-таки город это. И дома каменные есть и не мало. Центральная улица даже и двухэтажные каменные домищи имеет. Мостовая булыжником вымощена опять же. От центра-то два шага и деревня

деревней с избами курными, но городок уютный. В садах весь», – Мишка глянул и на монастырский двор: – «Почти правильный квадрат. Часовенки по углам. Двор пуст. По времени, наверное, служба в храме, вот и не видно никого. Вот мужичонка без рясы, но бородатый, что твой Карабас Барабас, просеменил от левой стены и нырнул в строение без куполов. Хозяйственная постройка. Складское видать помещение. Еще двое прошли туда же. И тоже бородатые. Что это там за собрание производственное посреди дня рабочего?» – Мишка перевел взгляд влево от монастыря и осмотрел в бинокль мост через реку. Деревянный естественно и довольно оживленно функционирующий. Тянулся через него поток транспорта. Гужевого разумеется. Шли и пешие и конные. Вот целый отряд военных подрыл и загрохотал копытами, по дощатому настилу. Человек двадцать. Красные конечно. Половина, не смотря на жаркую погоду, в кожаных куртках и фуражках. Остальные в гимнастерках. Проскочив на противоположный берег, группа конная скрылась между домами. Направлялась она к центру города. Центр города примечателен был площадью привокзальной и самим железнодорожным вокзалом. Довольно монументальное здание, для провинциального городишки. За вокзалом громоздились производственные здания РЖД.

Депо. Маневровый паровозишко, с трубой самоварной, гукнул задорно и покатил по рельсам, отплеываясь клубами пара, – «Чего тут мятеж поднимать?» – Мишка недоуменно пожал плечами. – «Может стратегическое значение вокзал имеет? А может просто решили Советскую власть «за вымя пощупать». Однако целый полковник мятеж возглавил. Это о чем то говорить должно. О том, что готовились и не просто так выступили, а с целью определенной. В 18-ом ведь хреново большевикам было. Перли на Москву все кому не лень, грабя вот такие городишки прежде ведь всего». – Из всех, кто пер тогда на красную Москву, Мишка вспомнил почему-то только Юденича, да Каледина и то, сомневаясь на Москву они перли, или может быть на Питер, тоже красный.

А движение по центральной улице вдруг оживилось. Появились те самые конные красные, на половину в кожанках. Затем вдруг где-то громыхнул взрыв и на пару секунд город замер, прислушиваясь и оглядываясь. Затем, как в растревоженном муравейнике, зашевелились и люди на улицах городка гораздо интенсивнее. Красный отряд рванул галопом куда-то мимо вокзала и где-то там застрекотал длинными очередями пулемет.

– Мятеж начался, – Серега подошел к Мишке с Силиверстовичем и добавил: – Ну что, смотреть будем или пойдем искать ХЦХ-овину?

– Пошли сначала ее найдем, а потом уж на мятеж посмотрим, – Силиверстович повернулся и шагнул назад к пещерке. – Ищите в стенах вашими миноискателями, – Мишка с Серегой пошли вдоль сводов, внимательно присматриваясь к каменной поверхности. Обнаружил тайник Серега и, остановившись, достал «Перф».

– Метров десять до ХЦХ-овин. Очевидно, что помещение есть еще одно рядом. Не вмуровывали же в камень их, – и с этими словами активировав инструмент, начал прорезать квадратное отверстие. Не прошло и минуты, как рядом с ногами его упала, откинувшись, каменная пластина, размером метр на метр и толщиной сантиметров в десять. Серега переключил детектор в режим электрофонаря и осветил образовавшийся проход.

– Прошу, господа спелеологи. Препятствие устранено, – и первым шагнул, пригнувшись, в отверстие. Следом с фонарем Мишка. Пещера, в которой они оказались теперь, была гораздо просторнее смежной с ней. Даже мощный луч фонаря едва доставал, до противоположной стороны. А вот потолок оказался невысоким, метра три и с него ничего не свисало. Ровный и даже гладкий, пожалуй. Из пола тоже ничего не торчало и выглядел он, только что подметенным. Мишка присел и мазнул по полу пальцем. Пыль конечно за века накопилась и слоем приличным, но вот камней и какого либо еще мусора на нем не наблюдалось.

– Ни сталактитов тебе, ни сталагмитов, – Серега посветил справа от входа и обрадовано сообщил:

– Вот они родимые, стоят. Только их тут не три, а десяток не меньше. И не только круглые, но и квадратные есть,– следующие часа три ушли на изучение содержимого контейнеров. Много чего интересного нашлось, но Мишке больше всего понравились шлемы. Те самые, которых не хватало для полного укомплектования «Завес». С прозрачными забралами они были похожи на современные мотоциклетные, только цвет был все тот же – темно-серый.

– Они там, что до потопа дальтонизмом все страдали, что ли поголовно? Или это служебные цвета ППэшников,– проворчал Серега, примеривая на голову один из шлемов.– А что! Удобно. Уши не давит, и дышать стекло не мешает. Комфортно даже. Ну ка, Миха, надень-ка шапку. Тут на шнурке какие-то выпуклости непонятные торчат и они вроде как щелкают, когда на них давишь. Похоже на встроенный переговорный пункт. Я о чем-то таком сразу подумал. Должны же люди были, как-то в них общаться. Не жестами же,– Мишка надел шлем и взяв в руку витый шнурок, нашел на нем две выпуклости.

– Давай, Мишка,– заорал Серега и голос его еле-еле проник к Мишке под шлем.– Дави,– надавил и чуть не оглох. Ощущение было такое, будто Серега орет прямо в уши, прижавшись к ним губами.

– Убавь децибелы,– поморщился Мишка и принялся нажимать на выпуклости поочередно. Там что-то внутри действительно щелкало, едва различимо и оказались эти штуки не чем иным, как регуляторами. Можно было убавлять до нуля и прибавлять – верхней, и переключаться на внешние источники звука – нижней. Шнурок сантиметров двадцать в длину, позволял видеть этот мини пульт без проблем и даже можно было зажать его в зубах, что и делали, возможно ППэшники в боевых условиях. Пришедшую в голову эту мысль, Мишка тут же и проверил, сунув шнур в рот, он попробовал поманипулировать, прикусывая кнопки зубами и убедился, что это вполне возможно. Даже разговаривать при этом шнур особенно не мешал.

– Толково придумано. Функционально,– Мишка ткнул Серегу в плечо.– Учись, как нужно. Руки-то заняты бывают иногда.

– Ишь ты, воображаешь. А вот тут я еще одну вещь обнаружил любопытную.– Сообщил Серега, сдвигая прозрачный щиток вверх.– «Оспа», но в карманном варианте. Для скрытого ношения.

– А что, очень вариант нужный шпионам и бандитам, например,– Мишка взял «Оспу» в руку. Рукоять удобно вписалась в ладонь.

– Зарядник только не сменный вроде. Отстрелялся и суй прямо вместе со стволом в розетку. Похоже на то,– Мишка внимательно осмотрел под лучом фонаря импульсник.– Нужно потом ТТХ посмотреть внимательно и систему безопасности. Должен тоже, наверняка, под владельца подгоняться, как и большой.

– Должен, наверное. Дедуля, ты чего там притих?– Серега подошел к присевшему, на корточки у одного из контейнеров Силиверстовичу.

– Да вот не пойму, что за шарики тут затарены. Полный ящик. Сантиметра три в диаметре всего и тяжелые. И еще дырка в каждом есть. На мизинец можно одеть. Что за хрень? Их тут штук пятьсот не меньше. А ящик и вовсе не подъемный, втроем ворочать пади нужно,– Серега присел рядом с дедом.

– И цвет все тот же. А это что за емкость?– Серега вынул круглую бабину все того же темно-серого цвета.– На диск автоматный похожа,– Серега повертел диск под лучом фонаря и, обнаружив квадратный, металлический лепесток, осторожно взяв его двумя пальцами, потянул. Из диска поползла металлическая лента с закрепленными на ней цилиндрами. Серега вынул один из защелки и, повертев в руке, выдал версию.

– Похоже на запал к гранате. Диаметр соответствует явно. Видимо нужно вставить и бросить. Экспериментировать не будем. Сейчас я пульт разверну, и инструкцию сначала посмотрим. Да и шуметь не желательно здесь. Набегут комиссары. Оно нам надо?

Глава 4

Пульт раскрутился на звук Ля, и Серега уже даже не заглядывая в шпаргалку, вывел экран на ближайшую стену. Сур улыбнулся им уже знакомой улыбкой и принялся перечислять ТТХ шаров, «Оспы» и шлема.

– Все гениальное просто,– Серега, внимательно слушающий Сура, посветил в ящик с шариками.– Сколько в тротиловом эквиваленте? Пятьсот граммов. Круто. Вставил-бросил? А если не бросил? От удара срабатывает. А если я в кармане его держу, а кто-то хлопнет дружелюбно? Понятно, что держать отдельно, и по отдельности они безопасны абсолютно.

– А не перекусить ли нам, братцы?– подал идею Евлампий Силиверстович.– Пошли на воздух, заодно и на город поглядим, как там мятеж.

– Вы идите, а я пещеру по периметру обойду все же. Вдруг найду еще что-то интересное,– Серега двинулся вдоль стены, подсвечивая фонарем.

– Пойдем, Мишаня. Рюкзачок с провизией прихвати,– не стал спорить с внуком Силиверстович.

А в городе уличные бои завязались не шуточные. Уже не один и не два пулемета стрекотало. И винтовочная пальба просто слилась в сплошной треск. Через мост пронеслась батарея на конной тяге. Пару пушек прогремели по настилу и ездовые, нещадно настегивая лошадей, погнали их в верх по склону, в сторону улиц выводящих к центру.

– Ну, вот и артиллерию коммунисты откуда-то подтянули. Сейчас врежут белякам,– Силиверстович удовлетворенно усмехнулся.– Как в театре тут сидим в первом ряду.

– А вы за кого? За большевиков, али за коммунистов?– Мишка сделал «рожу кирпичом».

– Ну, "Чапая" я разов пятнадцать ходил смотреть, когда его выпустили в прокат. И вопрос этот идиотский помню,– Силиверстович опять усмехнулся.– А болею я за красных, и знаешь почему?

– Даже боюсь предположить, Евлампий Силиверстович,– Мишка расстелил на выбранном, по его мнению, подходящем месте, скатерку.

– Да потому что остальные еще хуже. У белых-то кто был? Да все остальные. Эсеры, меньшевики, кадеты. Всякой твари по паре, как у Ноя того в ковчеге. А заклятыми друзьями они стали, только против большевиков объединившись. А победили ежели бы, то что? Да промеж себя бы воевать принялись. Они ведь и так уже пол России продать успели, пока с коммунистами-то бились. Баку и Архангельск англичанам. Дальний Восток япошкам. Кавказ и вовсе туркам. И что? Вернули бы эти козлы им Баку и Кавказ с Дальним Востоком, после победы ихней над большевиками? Ага, щас. Воевать пришлось бы и с ними. А кишка-то тонка. Ну и во что бы тогда Россия превратилась? В обмылок, который засунули бы остальные державы в такую задницу, из которой потом уже бы никогда нам не вылезти обратно бы было. Так что плевать я хотел на Интернационал, хоть под каким номером, а в Гражданскую, я за большевиков.

– А сейчас?

– А сейчас большевиков нет, и мы имеем, как раз этих вот белых у власти. Вон сколько партий-то поразвелось. И названия похожи. Не успели власть взять у коммунистов, как тут же страну и обкарнали. Со всех сторон обстрегали. Хрен с ним с Кавказом и Каракумами вместе с каналами, а вот Украина и Белоруссия теперь за граница – это дико. Белая и Малая Русь. Вот они что. И кто это учинил? А вот последыши, этих самых мятежников, что сейчас в городе палят в большевиков. Нож в спину всаживают. Я вот сроду ни в комсомоле, ни в партии не состоял, а вот доведись здесь остаться, то прямо бегом бы в красные записался и стрелял бы эту золотопогонную мерзость просто с огромным бы удовольствием. А вообще власть должна быть беспартийная. Советы без коммунистов. Но пока война – без большевиков никак. Я конечно человек необразованный и что-то наверняка говорю безграмотно, но ведь не зря люди сотнями

тысяч на смерть шли за Советскую власть. Простые крестьяне, работяги. Они душой чувствовали правду за коммунистами. Не за этими золотопогонниками, царя предавшими и непонятно чего народу несущими. Нагайку, да виселицу – понятно. Усмирители, каратели. А большевики чисто по своейски, с матерком, пообещали землю и волю. Поэтому и на смерть шли. И золотопогонников резали с завидным энтузиазмом.

– Вы говорите, что сейчас коммунистов нет. А Зюган с кодлой, кто? Они же себя КПРФ называют?

– Провокаторы они продажные. Я только на рыло это свиное глянул первый раз и сразу это понял. Сволочь лупоглазая. О народе они не думают. Своего ищут. Их и ко власти-то допусти, так они все развалят, потому как твердости большевистской нет и профессионализма тоже. Есть там конечно люди нормальные, но их мало. В основном придурки-пенсионеры. Спрашивается, на какие шиши эта партия живет? На взносы партийные? Да если бы они попробовали на взносы, то и месяца бы не протянули. Финансирует их кто-то. Коммерцией суки, через одного занимаются. Буржуи те же – только коммунистами себя называют. Провокаторы и негодяи. Партия – придурков снизу и негодяев сверху.

– Ну, Евлампий Силиверстович, вы прямо этот – радикал. Так кто же тогда у власти должен быть у нас? Демократов вы не любите, коммунистов провокаторами объявили. Так кто тогда?

– Царя-батюшку возвращать нужно. Пусть правит. Собрать опять вече, как в 1600 каком-то году, после смуты и выбрать его пожизненно. Тогда народ маху дал, выбрали с правом передавать власть по наследству, а это неправильно. Потому что уже внуки этого царя русский язык забыли. Немцы напоззли. Вот они-то и развалили империю в 17-ом. А еще лучше, как вот до потопа – Совет Старейшин, чтобы страной правил. И тоже пожизненно их назначать на должности. Только выборы, конечно, не такие, как у этих шалопутных, с беготней друг за другом на стадионе. Это не выборы – это игрища сатанинские. Не дай Бог нам такое увидеть у себя, – из пещеры вышел Серега и присев рядом со скатертью, принялся уплетать приготовленные Мишкой бутерброды с колбасой, запивая их чаем.

– Термос хороший, трехлитровый. Хоть и китаезный, но температуру долго держит, – Серега подлил себе чаю. – Дверь я нашел еще одну. Металлическая. Еще одно помещение там за ней. Не стал пока взламывать. Может, сообразим, как открыть без «Перфа». А войнушка местного значения раскогегарилась, смотрю. Может, поучастуем на стороне кого-нибудь? Силиверстович-то за большевиков, конечно, ринется, а ты, Миха, за кого?

– А я ни за кого, хотя с Евлампием Силиверстовичем согласен, что монархию нам нужно вернуть. Только тут-то я не вижу монархистов. Тут сейчас государственники-большевики и дворяне царя предавшие, мочат друг друга. Белым по-любому не светит ничего, аж до 91-го. Ну, встрянем за них, перебьем кучу народу простого, чтобы полковник Сахаров на белой кобыле по Мурому прогарцевал. И что дальше? До Москвы его сопровождать с «Оспами»? У меня нет такого желания. Миллионы рабочих и крестьян придется сжечь для этого. Ну а как только мы уйдем, его тут же и порвут на части, без всяких «Осп».

– А Собрание Учредительное, если собрать, которое большевики только что разогнали. Собор Земский или, как там его? На нем и решить!

– Да кому оно нужно – это собрание? От одного названия уже барством несет. Совет – вот слово простое и рвоту у народу не вызывающее. Большевички уже так зацепили народ на крючок своими декретами о Земле и Мире, что хрен ты Собрание это дворянское соберешь без крови такой, что и коммунисты покажутся ангелочками со своими расстрелами. Учредилка-вот как его тогда презрительно называли. Народ понимал, что соберутся на нем опять болтуны вроде Керенского и Россию просрут. Ведь сидели же в Питере у власти чуть ли не год. Что ж не удержали? Козлы потому что. И народ это прочухал интуитивно. Вот и дал им пинка, под зад. Всем этим Родзянкам и Львовым.

– Спелись вы тут с Силиверстовичем, как я погляжу. Значит, держим нейтралитет. Глобально мы все равно ничего изменить не можем. Пусть Господь за всех думает. Ему сверху виднее, – Серега достал бинокль и принялся рассматривать подворье монастыря.

– Смотри-ка, а в монастыре-то оживление какое-то ненормальное для такого места. Что-то эти ребята совсем на монахов не похожи, – Мишка с Силиверстовичем, тоже принялись наблюдать.

На монастырском подворье стало многолюдно. Возле хозяйственных построек стояли люди в две шеренги и на фуражках у них белели лоскутки из ткани. Всего стояло в строю около роты. Перед строем прохаживался человек во френче, но без погон. Явно кого-то ждали. И действительно в ворота монастырские, распахнутые настежь, вскоре въехали пять крестьянских подвод. Что они везут видно не было с этого берега даже в бинокль, но что-то прикрытое сеном было.

– Винтари пади приперли, – высказал предположение Силиверстович. – Вона, все без оружия стоят. Ждут. Сейчас забегают, – действительно засуетились. Человек в офицерском френче, размахивая руками, что-то скомандовал и строй распался на отдельно бегущих людей. Все ринулись к приехавшим подводам и, расшвыряв сено, принялись выхватывать из них винтовки и карабины. Ящики с патронами там тоже были и первые получившие оружие, шустро их вскрыв, уже расхватывали патроны.

– Ты смотри и пара «Максимов» там есть. Муха не сидела, похоже, в смазке заводской еще, – прокомментировал Силиверстович. Пулеметы схватили и, оттащив в сторонку, будущие первый и второй номера уже оттирали их и заправляли лентами, отбросив крышки ствольных коробок.

– Вон тот, что почти к воротам «Максима» оттащил, чувствуется умелец большой в обращении с этим аппаратом. Ишь ручонки мелькают. Все, патрон в патроннике. Молодого натаскивает, гимназера видать какого-нибудь. А вон и большевики поспевают сюда в гости, на лошадях. Маловато, однако, их что-то. Положат их сейчас эти умельцы из «Максимов», в два-то смычка, – Силиверстович привстал, переживая за красных.

– Ну, куда, куда претесь, придурки? – и словно услышав его вопрос, красные остановились, не доезжая метров двести до стен монастырских и бросив поводья коноводам, разбежались в цепь и залегли. Коноводы, схватив по десятку поводьев, отвели лошадей за ближайшие строения. Перекошенная избенка, с таким же амбаром или сараюшкой, должны были прикрыть их от пуль. Там они видимо по-быстрому лошадей к чему-то прикрутили и вернулись бегом в цепь.

– И чего приперлись? Белых-то вдвое больше. Да в обороне, – недоумевал Силиверстович, – Или еще кто-то должен подойти? – и опять угадал. Поднимая клубы пыли, появилась двойка битюгов с орудием. Возница, лихо описал полукруг и, соскочив, что-то заорал, лежащим в цепи. Несколько красных вскочили и помчались на его крики. А тот, что-то им толковывал и махал рукой в сторону, откуда только что появился. Видимо поняв, что он от них хочет, красные побежали, в ту сторону и через пять минут уже возвращались, толкая телегу с ящиками. То ли там лошади внезапно сдохли, то ли еще что, но телега была безлошадной. Расчет артиллеристский из трех человек и эти из цепи, тоже трое, вшестером тащили, телегу со скоростью просто невероятной. И вот уже ящики снарядные полетели с нее. Минута какая-то и первый выстрел из орудия, заставил присесть, всех кто суетился на монастырском подворье. С двухсот метров промахнуться было сложно, и снаряд взорвался точно у монастырской кирпичной ограды, частично обрушив ее. Второй снаряд влетел уже в пролом и рванул на территории подворья, расшвыряв тряпичными куклами с десятков белых. Офицер, которому повезло остаться на ногах, что-то орал и даже выстрелил в воздух из нагана. Забегали, как муравьи мятежники. К стенам побежали. «Умелец» с «гимназистом», схватив «Максим», поволокли его к храму и скрылись в нем.

– Ну, сейчас сверху прислугу накроют. Крандец. Пару выстрелов может, еще и успеют сделать,— Силиверстович махнул рукой и сел на траву. Успели. Расчет, услышав треск винтовочных выстрелов, скучковался за орудийным щитком и успел вклеить еще три снаряда в монастырскую ограду. А потом из узкой амбразуры окна храма, высунулась тупая морда «Максима» и длинной очередью, на всю коробку «умелец» подмел свинцовой метлой орудийный расчет. Щиток не защитил, пулеметные пули прошивали его, как картон.

– Сразу видно, классный спец,— Мишка рассматривал тела убитых артиллеристов.— Кучность снайперская,— «Классный спец», отстреляв ленту, секунд на десять притих, а потом опять застрекотал швейной машинкой, прошивая залегших красных.

– Да он их там всех сейчас причастит идиотов. Отходите за хаты, придурки,— Силиверстович снова встал и даже руками над головой замахал.

– Дедуль, зря стараешься. Когда над головой пули свистят, ей вертеть никому особенно не хочется. Вон с правого фланга уже и сами сообразили, отползают,— отползло и спряталось за домом—завалюхой человек десять, остальные остались лежать неподвижно.

– Вот и все,— Силиверстович горестно вздохнул.— Наваляли большевиков. И в центре вон тоже стихло. Может там хоть красные не оплошали?— зря надеялся и в городе, и на окраинах, везде красным накостыляли. Вечерело и солнце, отражаясь в луковках церковей, уже гнало длинные тени. Вдруг как-то сразу набежали тучи, и громыхнул гром. Ливень хлынул такой, что Мишка подумал невольно о потопе:

–«Как там – «разверзлись хляби небесные». Вот уж точно «разверзлись».

– Пошли, парни, в пещеру, чего мокнуть-то? Победили сегодня белые красных. А завтра видать большевики подтянут свежие силы и придушат белых,— Силиверстович сутулясь, шагнул из-под дождевых струй в пещерный зев.

– Ну, где тут дверь, Серега?— Мишка включил фонарь и пошел вдоль стены.

– Да не ползи ты по периметру, она ближе к этой стороне, справа от входа. Возвращайся,— Серега прошел метров пятнадцать и постучал ногой в стену. Стена отозвалась металлическим гулом. Мишка, встав рядом, направил луч на дверь.

– Ни ручки, ни замочной скважины, ни петель. Пломба, а не дверь. Может на тональность проверить, а Серега?— рядом замер, подошедший Евлампий Силиверстович.

– Попробуй, вдруг получится. Сжечь-то всегда посеем,— поддержал он Мишку. Серега постучал по двери в разных местах.

– Нота «До» везде,— и засвистел ноту.— Черта лысого. Не реагирует. Может сплясать нужно?

– А чего ты хотел? Чтобы она распахнулась настезь и оттуда швейцар вышел, в бакенбардах с позументами?— «Милости просим, господа, заваливайте на хазу»,— Мишка подошел к двери и навалился на нее плечом. Дверь не шелохнулось. Пнул ногой и прислушался: – Нужно внимательнее осмотреть. Раз не видно петель, может, и нет их вовсе. А как такие двери у нас открываются? А такие, у нас ползают,— Мишка уперся в полотно ладонями и попробовал сдвинуть его сначала влево, потом вправо. Безуспешно.— А еще у нас такие двери поднимаются или опускаются,— и опять уперевшись в полотно ладонями, двинул его сначала безрезультатно вниз, потом вверх. Звук, который при последней его манипуляции раздался, походил на скрежет железа по стеклу. Даже мурашки по коже у всех побежали, а дверь легко скользнула вверх и замерла, открыв проем 2х1 метр.

– А ларчик просто открывался,— Мишка направил луч фонаря в проем,— на рубку космического корабля похоже или подводной атомной лодки. Дверь бы только не рухнула невзначай на голову,— Дотянувшись до полотна рукой, дернул и дверь, легко скользнув, издала опять противный звук, вставая на прежнее место: – Так значит,— Мишка опять давил ладонями полотно и оно послушно уползло вверх,— можно заходить, но я думаю, что до поры, до времени лучше ни к чему не прикасаться.— Помещение было довольно просторным, не такое огромное, как

пещера №2, но метров пятьдесят квадратных в нем было. В центре его стояло нечто вроде стола из прозрачного пластика и металла. Мишка прошел к этому сооружению и обвел стены лучом. Стен, в общем-то как таковых и не было, все пространство занимали различные приборы не привычные для детей века двадцатого.

О предназначении их можно было только догадываться или лезть за справкой в архив к Суру.

– Разберемся позже. Явно все не функционирует и может это всего лишь, какая-нибудь заправочная станция для транспорта или что-нибудь еще банальнее, – бормотал Мишка, медленно двигаясь вдоль стены. – А вот вполне понятное устройство. Экран. Телевизор это или что-то подобное, внизу и кнопки имеются со значками. Вот это я помню, единичка у них так пишется, – Мишка ткнул без опаски в кнопку, не ожидая получить какой либо результат, однако результат не замедлил проявиться. Экран вполне привычно квадратный и размером по площади метра два квадратных, тот час же засветился и выдал затем рисунок. Нечто абстрактное из переплетающихся линий.

– Заставка дежурная, наверное, – Мишка ткнул следующую кнопку, стоящую ниже первой. – Это, наверное, №2-а, – в ответ на это действие экран погас.

– Ну вот, включать, выключать этот телик я уже умею. Серега, здесь где-то освещение должно включаться. Вруби интеллект и воображение.

– А чего его включать? Вон на потолке кругляки. Оно это видать и есть. Нужно при входе на стене глянуть. Человеческая логика она всегда одинакова. Выключатель должен быть при входе, – Серега вернулся назад и внимательно принялся осматривать стены у входа.

– Вот есть тут какая-то ручка, не ручка. В общем торчит штырь.

– Шевельни, попробуй, – Мишка двинулся к Сереге.

– Не, не реагирует. Похоже, что это вешалка для шляпы или одежды. Давай я еще здесь пошуршу, а ты с той стороны поищи, – Мишка осветил на стену и ему сразу в глаза бросился квадрат из пластика с уже привычными светофорными расцветками.

– Есть, Серега, светофор, как на ХЦХ-овине. – Мишка шелкнул по зеленой клавише и помещение залил мягкий дневной свет из тех самых фонарей на потолке, которые заметил Серега.

– Ну, вот и фонарик можно вырубить, – дальнейший осмотр привел троицу хрононавтов или «хроников», как переименовал это слово Серега, к еще одной двери, которая открылась беспрепятственно и вполне обычным образом, скользнув вправо, в стену.

– Жилой отсек, – сделал заключение Серега, окинув взглядом комнату. – На четверых. Кровати прикольные, как кушетки больничные. Откуда тут пыль, блин? Сантиметра три.

– Ну, сантиметр, может быть и есть. Это нормально, за пять тысяч лет-то. У меня в квартире столько за три недели накопилось. – Мишка нарисовал пальцем рожу и подписал, чтобы не было сомнений на кого тут дружеский шарж. – «Серега -придурок».

– Сам debil, – обиделся Серега. – Вон еще дверь. Зуб даю – сортир, – дверь действительно оказалась в санузел. – Унитаз какой-то странный. Или это беде? – Серега ткнул в клавишу на стене. Клавиша не отреагировала никак.

– Воду ищешь? Ну, это вряд ли. Сантехника нужно вызывать, – Мишка внимательно осмотрел санузел.

– Бесплезное для нас помещение. Это конечно умывальник с краном-смесителем, а это душевая кабина. Вон в потолке сетки. Оттуда и поливались. Жаль, что воды нет. Придется на речку бегать. Берег здесь, правда, крутоват и стреляют, но зато вода наверняка чистая. Заводов, с их сточными трубами, рядом нет.

– Зато канализацию наверняка весь город в Оку провел. – Серега опять постучал по клавише спуска воды.

– Какая канализация, Серега? Тогда ее еще вообще не было в таких городишках. Удобства на огородах были. А в барских домах, конечно, внутри, но тоже далеко не отводили. Золотари на лошадях с бочками и черпаками ездили и вычерпывали, по мере заполнения выгребные колодцы. Так что вода в реке чистая пока. И рыбы в ней, по этой причине, должно быть видимо невидимо. Зря ты удочку не взял. Хотя акваланги же есть. Нырнул, наловил руками, сколько надо и окэй.

– Сам ныряй, умник. А это что за кольцо в стене?– Серега дернул за торчащее из стены, на уровне глаз, кольцо из светлого металла. За стеной что-то загудело и вся троица «хроников» испуганно замерла, прислушиваясь.

– Не дергай ты тут ничего. Взлетим еще нахрен. Будешь потом на орбите звездочки считать,– проворчал Силиверстович.

– Ну, Силиверстович, ты ляпнул. Это же сортир. Максимум что здесь страшного может произойти – засор или наоборот зальют соседи,– Серега опять дернул за кольцо. Гул прекратился.– Кондиционер это, скорее всего,– Серега постучал по различным предметам серебряного цвета, торчащим из раковины и стен. – Это вентиля видать засохшие. Не фиг тут делать больше, господа-товарищи. На речку так на речку. Время, кстати, уже позднее, спать пора. Где уложимся? Здесь или на природе?

– Не-е, мне что-то в этом склепе ночевать не хочется. Вы как хотите, а я палатку на свежем воздухе пошел ставить,– Мишка щелкнул по красной клавише.– На фига они для включения-выключения световых выключателей выставили. Не функционально же? Мозги что ли иначе чем у нас функционировали?

– Может они многоцелевые или энергосберегающие, или еще чего-нибудь в таком духе,– предположил Серега.

– Нет, я думаю что мозги. Вход и выход у них не совмещаются в понимании,– Мишка решил настаивать на своей версии.

– Тогда и дверей у них везде две должно быть. Одна для входа и рядом для выхода. Думай, что говоришь. Пошли спать,– закрыл вопрос Серега.

Дождь уже закончился и гроза, сместившись куда-то за горизонт, погромыхивала там, на грани слышимости. Мишка активировал палатку.

– Ну что? Одной хватит на троих? Или каждый свою ставит?

– Да нафиг тут палаточный городок строить? Одной, конечно, достаточно. В ней не то, что втроем, впятером можно разместиться. Два метра шириной. Семеро лягут запросто. Караулить будем?– ответил Серега.

– На всякий случай надо бы. Расслабляться не стоит. Кто знает этих местных,– Мишка достал спальный мешок.– Хороший-то он хороший, только жестко спать будет.

– Ничего, потерпишь. Чур, я первый дежурю.

– Ага, шяс. Силиверстович пусть первый, а мы с тобой жребий бросим, чтобы без обид. Хотя мне все равно. Можешь выбирать.

– Ладно, я за дедулей,– Серега нырнул в палатку и вытянувшись во весь рост простонал: – Ну вот, я уже и лежу,– Силиверстович смотрел в сторону городка, погрузившегося во мрак летней ночи. Изредка там еще постреливали. Победители «зачищали» завоеванное пространство.

– Евлампий Силиверстович, я тоже спать пошел. Будите, если что. Спокойной ночи,– разбудил его Серега в четыре утра.

– Вставай, Миха, твоя очередь караулить. Держи «Оспу». Из спальника можешь не вылезать. С реки прохладой потянуло, я продрог,– Мишка выполз из палатки и взглянул на восток. Летние ночи коротки и там уже зарозовело. В городе кое-где полаивали собаки, но выстрелов слышно не было.

И белые, и недобитые ими красные, спали:– «Собачья вахта»,– зевнул Мишка так, что чуть челюсть не вывихнул,– «Ладно, дома отосплюсь»,– присел на подходящий по размеру

камень и, положив на колени импульсник, принялся рассматривать город в бинокль, переключив его на ночной режим. Тишина оказалась обманчивой. По улицам шастали, какие-то люди. Вряд ли влюбленные парочки рассвет встречали. Мишка засек целую группу – человек в пятнадцать,двигающуюся в сторону монастыря. С оружием. Стволы торчали над плечами:– «А вот кто это? Не понятно. Одежда-то в те времена одинаковая у всех. А ночью, как известно, вообще все кошки серы. Вроде красные все же. В кожаной куртке и кепке мужик командует. И чего они тут хотят? Может, решили монастырь ночью захватить и белых там почитать сонных?»– Мишка с любопытством рассматривал крадущуюся в ночи группу. А она тем временем подошла к самым монастырским стенам и просочилась на его территорию через свежий пролом. С минуту еще было тихо, а потом затрещали выстрелы. По подворью заметались люди, вспышки из стволов, в разных его местах, участились. И «танцы» эти продолжались минут пять. Мишка удивленно наблюдал, в зеленоватом ночном режиме, как подворье заполняется телами убитых, и красные явно тут побеждали.

– Что ж они лопухи и охранения не выставили никакого?– недоумевал он, вглядываясь в смутно-видимые лица. Наконец стрельба стихла и наступила тишина. Настороженная и нарушаемая, только собачьим лаем, который перекатывался по окраинам:– «Лихо, как баранов в загоне покروшили»,– по монастырскому подворью бродили какие-то люди без оружия,– «Похоже, что монахов привлекли убитых прибрать. Ну да, таскают в складское»,– сухо щелкнул выстрел. Мишка перевел взгляд в то место двора, откуда он раздался:– «Вот гад, раненого добил никак»,– командир красных, в кожанке, стоял над телом. Потом махнул рукой и к нему подошли двое:– «Монахов подозвал, убрать сейчас прикажет. Неужели всех перебили? Там же рота этих ротозеев должна была быть. А может в город ушли? Ну, человек-то двадцать точно валялось сначала»,– строил умозаключения Мишка. Светало. Восток наливался зарей. Второй и он же последний день белогвардейского мятежа начинался. Часов до шести ничего примечательного не произошло. Замелькали люди по улицам, но пока без перестрелок. А в шесть часов, все будто спохватившись, принялись наверстывать упущенное за ночь. Короткими очередями, обозначил себя где-то в центре «Максим»:– «Пади тот самый спец, вон как по три патрона аккуратно вышивает. «Умелец», как его Силиверстович окрестил»,– а «Умелец», будто бы услышав Мишку, подтвердил свою квалификацию, выдав серию очередей 2-3-4-3-2 и еще раз также:– «Ну, блин, музыкант, маэстро. Видать довелось мужику в окопах посидеть и потренироваться»,– оценил Мишка квалификацию пулеметчика.

Пулемет замолк, а вот винтовочная пальба усилилась:– «Подтянули видать большевики свежие силы»,– Мишка взглянул на мост. К нему подходила колонна красноармейцев:– «Батальон – не меньше. Ну, все, звездец белым. За час управятся»,– мост, никем не охраняемый, красные пересекали бегом, но вот когда первые шеренги шагнули уже с него, тут и началось. Застрочили пулеметы, не меньше трех и попавшие под кинжальный и перекрестный этот свинцовый ливень, красные роты посыпались с моста, оставляя на досках убитых и раненых:– «Хорошо, что Силиверстович спит и не видит, что тут творится»,– пулеметчики видать засели на чердаках и один Мишка даже засек, по характерным вспышкам. А красные, оставшиеся в живых, уже выползали на тот берег и сосредотачивались за складками местности. Осталось их не более трети от изначального количества, но это их не остановило. Мишка наблюдал, как ползут эти ребята в сторону строчащих пулеметов и понял, что доползут и передуют. Вот уже и в мертвой зоне некоторые оказались, вскочили, бегут. Гранаты полетели. Ствол пулеметный уставился в небо:– «1:0. Нет, смотри-ка. Видать второй номер жив остался»,– ствол пулеметный опять ожил, зашевелился и затрясся в очередях. Красные доползали до не простреливаемой зоны и растворялись в зелени садов, обходя пулеметчиков с тыла. Опять громыхнули взрывы. Один, второй, третий, потом почти два одновременно и еще несколько:– «Результат 3:0 в пользу большевиков. От батальона, правда, остались рожки, да ножки»,– Мишка взглянул

на монастырь. Двор прибран, но пятна бурые присыпать или смывать никто не стал. Несколько воронок от снарядов уродливо чернели на аккуратном подворье.

– «Опять построение, только сегодня красные стоят», – Мишка с любопытством вглядывался в пятна лиц, стоящих в две шеренги людей. Осталось их отделение – десяток вместе с командиром их, который вышагивал перед строем, с висящей на перевязи рукой. Голова у командира была тоже подбинтована слегка и кепку свою кожаную он, поэтому снял и засунул за ремень. Командир размахивал сжатым кулаком и грозил им в сторону города:– «Дух бойцам поднимает. Сейчас поведет с песней в последний и решительный бой», – командир махать кулаком прекратил и строй, повернувшись, зашагал к стеновому пролому в колонну по два. Так они и ушли в сторону центра. А там пальба достигла максимального напряжения. Мишка прислушался к пулеметному стрекоту, пытаясь определить «Умелец» это или нет. Не понял и, взглянув на часы, принялся будить Серегу с Силиверстовичем. Стрелки подползали к восьми. Силиверстович поднялся сразу и отправился к Оке за водой с термосом и пятилитровой канистрой. А вот Серега неожиданно оказал нешуточное сопротивление. Отпрыкивался и отмахивался, кутаясь в спальник.

– Эй ты, чудо, царствие небесное проспийшь, – Мишка безжалостно стянул с Сереги спальник. – Вставай или сейчас «Оспой» пятки поджарю.

– Какая ты все-таки, Мишка, сволочь. Я такой сон сейчас видел. С такой девицей почти уже в интимные отношения вступил. Влез с копытами в мечту. Сучий ты потрох. У тебя совесть есть?

– Ну, извини, я ж не знал. Завтра досмотришь.

– Ага. Завтра. Завтра может по этому каналу какую-нибудь гадость будут показывать, – Серега выполз из палатки и взглянул на Силиверстовича копошащегося у реки: – Ох, сейчас окупнусь.

– Смотри, там трупы от моста может принести. Красных сегодня с утра пораньше накрошили там роты две. Спишь, блин, сны эротические смотришь по парнушным каналам, а тут люди за революцию жизнь отдают сотнями.

– Да ладно тебе ворчать. Я же предлагал в безлюдное время переместиться. Чья инициатива в 18-тый рвануть? Вот и помалкивай, моралист хренов, – Серега спустился к реке и влетел в воду, с диким хохотом. Силиверстович, вернувшийся с водой и тяжело дышащий, сердито проворчал:

– Шалапут. Доорется. Заявятся сюда победители с проверкой.

– Красные с утра давят. Монастырь уже взяли, перебили там всех. Даже раненых. Центр сейчас берут. Вон уже стихает пальба. К обеду зачистят городок, – Мишка включил плитку и поставил разогреться чайник. – Продуктов у нас в запасе только позавтракать.

– Значит, в обед и уйдем, – Силиверстович взглянул в сторону монастыря хмуро и от комментариев воздержался. Собрал палатку и сунул ее в рюкзак. – Хорошая вещь. Спал как дома на печке. Главное дело и не давило бока, зря ты беспокоился, там вроде как низ отдельно слегка подкачан и матрас матрасом. Еще бы Серега во сне руками и ногами бы не махал, так и вовсе было бы хорошо. Чего дергается? Вроде вырос уже.

– Сны ему порнографические показывают, вот он в них за девками и бегаёт, руками и ногами дрыгает, – Мишка снял закипевший чайник. – Здорово. Минута и закипел.

– Сны говоришь? Может к ветеринару его сводить? – Силиверстович взглянул вниз, на реку. – Крутой тут бережок-то. А высотка хороша, господствующая над местностью, как военные говорят. Как бы не приглянулась, кому-нибудь по этой причине.

– Зачем к ветеринару, Евлампий Силиверстович? Может проще женить охламона?

– Да где же проще? Разборчив больно. А ветеринар – лучшее средство от снов этих охальных. Раз и нет проблемы. Даже без наркоза работают. Я как-то видел. У соседа хряка обрабатывали. Такой был паскудный хряк. Всю изгородь погрыз в экстазе. Видать тоже от снов-то

эдаких страдал. Зато потом такая хрюша из него спокойная получилась, лежит себе в луже целыми днями бревном. А до этого ведь проходу никому не давал, за старухами гонялся. Вот что с людьми делает любовь!

– Да-а, страшное дело, – поддакнул Мишка. – А вдруг Серега не правильно поймет пользу-то ветеринара и откажется?

– А мы его и спрашивать не станем. Веревку на рога намотаем, да и оттащим. "Завесу" главное не дать ему напялить. – Да, с "Завесой" ветеринару не справиться будет.

– Чего это вы "Завесу" к ветеринару приплели? – мокрый Серега присел на травку возле скатерти.

– Да вот Евлампий Силиверстович считает, что от снов твоих он самое эффективное средство, – ухмыльнулся Мишка.

– Ну, дед! – возмутился Серега. – А я думал, что еще правнуками вас осчастливить успею.

– Ты пока соберешься, сам дедом станешь, – Силиверстович пил чай и внимательно посматривал в сторону городка. – Боюсь, что не доживу я до счастья этого.

– Доживешь. Я вон, в крайнем случае, через ХЦХ-овину к вам с бабулей с детишками заявлюсь.

– Хрен она тебя с ними пропустит куда. Форс-мажор ты для детишек-то. Противопоказаны они, видать, некоторым по жизни людям. А ты, видать, из таких.

– Ну, это ты зря, Евлампий Силиверстович, детишек я люблю. Даже чужих. А своих-то, наверняка буду.

– Посмотрим. Давайте сворачивайтесь. Заканчиваем здесь, да домой. Прибрать тут нужно за собой и в Сибирь смотаться через денек. Может там, в глуши все и заскладировать. А здесь все похоронить. Закидать этими тротилловыми эквивалентами, чтобы любопытные не шастали. А карьер здесь знатный. Видать веками камень дробили для построек. Вон сколь зданий построено из него. Да и ограда вроде монастырская из него же. Собор-то точно. Однако пушчонка пробивает запросто.

– Нет, собор вроде кирпичный, – Мишка взял бинокль. – Хотя под штукатуркой не понять. А в городе-то стрельба стихла совсем. Раньше красные управились. Вон к мосту им на подмогу еще и морячки подходят. Полк целый пылит. Орлы прямо. Силиверстович глянул в сторону моста.

– Ишь ты, как в кино, в лентах пулеметных некоторые. Теперь полковнику Сахарову остается только сматывать, если жив еще.

Два следующих часа провозились с аппаратурой. Мишка почти угадал. Большинство приборов в лаборатории были им без надобности и предназначались в свое время для проведения исследовательских работ в области высокой физики. С уровнем образовательным «хроников» вникать во все эти проблемы было бессмысленно. Силиверстович посоветовал дверь закрыть и забыть про сортир без воды и приборы бесполезные.

– Этот вход, когда завалим, тогда сюда только опять же с помощью динамита можно будет попасть. Это барахлишко в Сибирь перебросим и там посмотрим. Пошли, взглянем на прощанье, как там дела у красных, да домой уже пора.

У красных дела, похоже, были в полном порядке. Стрельба прекратилась совершенно, а по центральной улице, наверняка потом названной улицей Ленина, железной поступью шли морячки ротными колоннами. Они еще и пели там что-то, но сюда едва доносились отдельные слова, и по ним можно было понять, что поют: – «Смело, мы в бой пойдем...».-

Присели на камни и принялись рассматривать городок на прощанье в бинокли.

– А вот там село Карачарово, в котором Илья Муромец на печи сидел, – Мишка попробовал разглядеть родное село былинного богатыря. – Значит, он не муромец, а карачаровец.

– А какая разница, кто он? Пацан был правильный, отморозков всяких мочил по всей Руси и даже по Хохляндии тогдашней гастролировал, – Серега рассмеялся. – Может в его вре-

мена махнуть? Поглядеть на героя. Жаль я года его жизни не знаю. В каком он веке-то геройствовал? А, Миш?

– А я что, конский доктор что ли, чтобы знать все? Вон у Евлампия Силиверстовича спроси. Он, пади помнит.

– Ну, Мишаня, ты меня совсем в деды дряхлые записал. Шутишь все. А Илья Муромец-то действительно был и церковью канонизирован. Монахом Киевско-Печерской лавры жизнь закончил. Я жития его читал. Умер-то не старым еще – в 45-ть лет. А родился действительно вон в той деревне – Карачарово в 1143-м году. Это в житиях так пишут, 1-го января поминают.

– Так может, и махнем к нему в гости?– Серега взглянул в бинокль на родную деревню богатыря.– Раз время знаем. Выходит он в 1176-м с печи слез и всего-то двенадцать лет, потом жил?

– Некоторые и по сто живут, а от них ничего кроме черточки между двумя датами не остается. Ну что пора домой? Забрасываем вход гранатами допотопскими и к Агафье Тихоновне? Заждалась, пади там нас уже?

– Если по времени, то еще и ждать не начинала. Бегаёт сейчас где-то пешком под лавку. А к нам гости идут, кстати. Вон поднимаются в количестве трех человек. Два мужика и девка с ними. Что делать будем? Прятаться или пообщаемся с местным контингентом? Вроде не красные. Скорее всего – мятежники белогвардейские в бегах,– предположил Серега. Силиверстович и Мишка с любопытством взглянули в сторону тяжело бредущих к ним по склону береговому людей. Двое мужчин и женщина. Впереди шел мужчина лет сорока, в военном френче и офицерской фуражке с кокардой, следом за ним переставляла ноги женщина в длинной юбке. Замыкал процессию парнишка лет 15-ти. «Хроников» они по-видимому заметили еще раньше, чем их самих высмотрел Серега, и, очевидно, посчитав, не опасными, решили не обходить. Однако наган в руке офицер держал и с курком уже взведенным.

– «Завесы» на всякий случай активируйте, как бы палить не начал беляк с расстройства,– Силиверстович достал пластину и прихлопнул ее к ладони. Мишка с Серегой пожали плечами и повторили ту же процедуру.

– Как скажешь, товарищ командир. Да только вряд ли он по нам палить вот так сразу примется. Не похожи мы на красных.

– Ага, на калик перехожих похожи. Особенно ты в майке этой с надписью «Не учите меня жить». Поумнее, чего не мог подобрать?– не удержался от замечания внуку Силиверстович.

– Да я и не глядел особенно чего там написано. Не матерно и ладно.

– И у Михи тоже видок тот еще, рубашка вся вообще исписана и не по-нашенски. Чего хоть пишут, спросил продавца?

– Спросил. Написано.– «Я тебя люблю».– «Ай лав ю». Это на английском.

– Да по мне хоть на китайском. Вот я вполне за их современника сойду. Простенько одет,– назидательно проворчал Силиверстович.

– Ага, особенно лапти. Армейские берцы – размер 43-44-ре.

– Ну и что? А вдруг тут змеи есть? А я гадюк с детства не переносу. А ты думаешь, тогда ботинок не было? Вон, офицерик-то в сапогах хромовых вышагивает. Уж не сам ли полковник Сахаров к нам пожаловал со своими домочадцами? Парнишка на него личиком смахивает. И баба по возрасту в самый раз,– тем временем троица уже подходила к ним, и когда осталось метров тридцать, впереди идущий офицер во френче, без погон, повернул голову назад и что-то сказал, следовавшим за ним женщине и парнишке. Те остановились, а офицер зашагал дальше один и, остановившись метрах в десяти, хриплым, усталым голосом произнес:

– Здравствуйте, господа. Пикничок на природе? Время выбрали самое благоприятное для сего времяпрепровождения. Полковник Сахаров Николай Павлович – с кем имею честь?

– Здравствуйте, господин полковник,– ответил за всех Силиверстович.– Археологи мы, в экспедиции здесь из Санкт-Петербурга. Это Соболев Михаил Петрович – студент пока. Рядом с ним аспирант, хгм – Руковишников Сергей Алексеевич – внук мой. Меня же Евлампием Силиверстовичем можете называть, если с одного разу запомните.

– Запомню. Склеротических симптомов за собой пока не замечал. Со мной супруга моя Анастасия Григорьевна и сын Владимир,– полковник вложил наган в кобуру и, повернувшись к своим, сделал приглашающий жест.

– Знакомьтесь – это археологи из Питера,– успокоил он подошедших – супругу и сына.

– Здравствуйте, господа. До науки ли теперь? Война кругом гражданская,– женщина поправила повязанный на крестьянский манер платок. И с любопытством принялась рассматривать «археологов».– А где же инструментарий ваш? И что ищете в краях наших?

– «Глазастая. Ишь как сразу все просекла»,– подумал Мишка, тоже с любопытством рассматривая незваных гостей.

– Здесь рядом, в пещерку убраны,– глазом не моргнув, ответил Силиверстович.– А приехали мы вот эти каменоломни исследовать. Есть сведения, что здесь библиотека царя Иоанна Грозного может быть захоронена. Не желаете ли чайку с дороги?

– Вздор какой. Кто это вам наплел про библиотеку, да еще в этом карьере?– удивился полковник.– А вот от чайку бы не отказались, признаться с утра росинки маковой во рту не было.

– Михаил, принеси термос с кипятком,– Силиверстович принялся вынимать из рюкзака остатки продуктов.– Разносолов не предложим, но печенье с сахаром пока еще есть. Присаживайтесь, господа,– Мишка смотался в пещеру за китайским чудом и, выставив пластиковые кружки, бросил в них пакетики чая. Залил кипятком и присев на камень, с любопытством продолжил рассматривать гостей. А те не заставили повторять приглашение дважды и присев у расстеленной скатерки, с любопытством уставились на термос и кружки, в которых чайные пакеты начинали окрашивать кипятком в морковные цвета.

– Это что за посуда у вас такая чудная?– заинтересовался полковник Сахаров.

– Термос это, Николай Павлович, китайский правда, но температуру держит исправно более суток.

– И заварка у вас порционная, тоже китайская?

– Нет, заварка английская, походный вариант. Очень удобно. Заварной чайник не требуется.

– Придумают же на туманном Альбионе,– удивился полковник, размещивая сахар в пластиковой кружке пластиковой же ложечкой.– И посуда тоже английская?– Силиверстович не стал уточнять, чья посуда. Пусть будет английская.

– Да, одноразовая.

– Как это? Разового использования что ли? А потом ее куда?– не поняла супруга полковника Анастасия Григорьевна.

– В утиль, на переработку. И снова под штамп. Пластмасса. Материал дешевый и много раз выдерживающий термообработку.

– Ее, что же и мыть нельзя?– опять не поняла Анастасия Григорьевна.

– А зачем? Она же дешевая. Проще новую взять. Копеечная посуда, специально для экспедиций создана. Бывает ведь, что и возможности помыть-то нет.

– А чай-то хорош, хоть и из пакета порционного, да и запах ароматный,– полковник с удовольствием грыз овсяное печенье и запивал его чаем.– И как там, в Питере красном? Лютуют большевики? ЧеКа ихнее, говорят, террор красный объявило.

– Мы, Николай Павлович, люди от политики далекие и во все эти тонкости не вникаем. Пока Бог миловал. Академия функционирует и при новой рабоче-крестьянской власти. Поживем-увидим.

– Ох уж мне эти интеллигентские кунштюки. Толстовщина, да Достоевщина. Пропала ведь Россия. Не жаль державу?

– Россия, полковник, не пропадет. Была, есть и будет. Татаро-монгольское иго пережила, а уж большевиков...

– Да татары по сравнению с ними – дети малые, безобидные. Неужели вы не видите, что это Антихрист на Россию в их лице пришел? Коллективный Антихрист. Звезды ведь нацепили сатанинские на фуражки себе.

– Ну, полковник, звезда сатанинская она ведь двумя рогами вверх. А у этих наоборот. Материализм проповедуют диалектический. Социализм. А у вас в белом движении, не те же ли эсеры, да эсдеки? И не тому же ли Карлу Марксу молятся? Что-то я разницы большой не ощущаю. Растолкуйте старику, если имеете представление ясное. В чем разница между вами и красными, в этом смысле? В том, что красные на нищих рабочих ставку сделали, а вы на лавочников и прочих разночинцев? Так рабочих ведь больше. И в этом их преимущество. Обречено белое движение изначально, так как целей определенных не имеет. Программы так сказать ясной. – Полковник скривился в гримасе возмущенной.

– Вы, Евлампий Силиверстович, вижу, горады каверзы громоздить. Что же мне – дворянину русскому, прикажете на все это безобразие безучастно смотреть со стороны? Или может быть, к большевикам в услужение податься прикажете, раз их больше и сила на их стороне? Спасибо за чай, любезнейший.

– На здоровье. А вот как вам поступить я и не знаю. Я ведь хотел ваше мнение услышать о эсерах, да эсдеках, которые те же социалисты, что и большевики, но почему-то с вами. Народу то какая разница? Красные хоть такие же рвань на рвань и потому понятны. А от вас им чего ожидать? А большевики им еще и землю первым же декретом посулили. Вот тем и крестьянство к себе перетянули. А вы? Где ваши декреты? Ведь, кроме того, что призываете красных перебить, ничего и не говорите народу. То есть тех перебить зовете, кто им землю дал. Что там еще это собрание Учредительное решит, которое вы собрать обещаете? Может, решит землю не давать? А эти уже разрешили брать. Понимаете разницу? Вот в чем их преимущество. Пока вы рассусоливаете и промеж собой к согласию прийти не можете, они действуют. Декреты публикуют от имени своего Совнаркома. «Бери», – говорят крестьянину. А вы говорите ему: – «Погоди брать, сначала большевиков перебей, а потом мы соберемся и решим – брать или не брать». – Ну и как?

– И что вы считаете делать нужно? – растерялся полковник.

– Жить по совести. И кровь русскую не лить. Ни красную, ни белую, ни какую. Большевики все равно власть возьмут. Потом нажрут и свое барство заведут. Народу это большой крови стоить будет. Потом и этим пинка под зад дадут, в свое время. Уезжайте полковник с семьей в эмиграцию. В Америку, Австралию. Не суйтесь в эту смуту.

– Пророчествуете, Евлампий Силиверстович? – Усмехнулся Сахаров.

– Знаю!

– Занятный вы собеседник и я бы с вами пополизировал с удовольствием в более благоприятные времена, но сейчас, к сожалению, не располагаю ни временем, ни желанием. В эмиграцию, значит, советуете отбыть? Бросить Отечество в годину трудную? Пожалуй, что не воспользуюсь я этим вашим советом, милостивый государь. Уж не обессудьте. За сим, позвольте откланяться. Честь имею, – и ушло семейство Сахаровых, не оглянувшись ни разу.

Глава 5

– Вспомнит он мои слова в этой самой эмиграции, если жив останется и не раз. Сопли на кулак мотая. Снимаю «Завесу», до чего зараза прожорлива. У меня уже ноги подкашиваются.

– Погоди, дедуля, там еще кто-то валит, следом за полканом с семейством. Большевички никак поспешают. Видать полковника догнать хотят. Соскучились с утра. Эти расшаркиваться не станут. Человек десять. Командира я ихнего уже видел. Впереди который, с головой перемотанной. При маузере. Большой начальник видать,– пока Серега комментировал и делал выводы, преследователи уже подбежали к ним. Группа красноармейцев, в выгоревших до белизны гимнастерках без погон и в фуражках со звездами. Впереди бежал тот самый комиссар, который командовал во время резни в монастырском дворе. Заорал он, не добежав метров десять до «хроников»: – Стоять, вы арестованы именем революции. Кто такие?– остановился комиссар в трех шагах.

– Ну, мы вообще-то и так стояли и никуда бежать не собирались,– опять за всех ответил Силиверстович и дальше озвучил ту же версию про археологов из Питера.

– Предъявите мандат или командировочное предписание,– не поверил комиссар, а бойцы, следовавшие с ним, угрюмо рассматривали троицу из-под козырьков краснозвездных фуражек.

– Ну вот,– Силиверстович озадаченно взглянул на Серегу с Мишкой.– Это наша недоработка, парни, документы нужно было в архивах взять.

– Кто же думал, что их тут спросят?– смутился Мишка.– В глухомани этой.

– Так есть мандат или нет? Что вы там, мать вашу, бормочете? Вот ты, "контра",– ткнул комиссар в Серегу пальцем.– Анархист что ли? А ты? Что за надписи на сорочке буржуйские? Руки поднять всем. Руки я сказал вверх,– осканился комиссар.

– Ты, комиссар, прежде чем орать благим матом, мозгами пораскинь. Если бы мы контрой были, то какого бы хрена стояли бы и вас дожидались? Ушли бы давно. Так что ты не ори, а то, как бы чего не вышло. И вообще что за манера разговаривать? Ни те здрасте, ни те пожалуйста. У нас в деревне принято здороваться,– Серега шагнул к комиссару, опешившему от его выпаленной на одном дыхании тирады.– А за "контру" можешь и по мордам схлопотать. Фильтруй базар, товарищч,– именно так и сказал с буквой Ч в конце. И получилось это издевательски – просто блеск. Комиссара аж повело в сторону, так видать у него ладонь, маузер сжимающая, зачесалась.

– Ну, что ты рожу скривил, мать твою?– продолжил Серега.– Что, правда глаза колет? Мы тут по заданию Совнаркома и сами можем документы проверить, у кого захотим. Вот, кстати, у тебя они имеются ли? Предъяви-ка, давай. Манда ты!– и опять Серега произнес последнее слово настолько явственно раздельно, что только последний дебил не понял бы, что над ним попросту издеваются.

– Ты, контра...– трясущимися от ярости губами, произнес комиссар.– ты на кого, сволочь, голос свой змеиный повышаешь? Да я тебя! Взять их и обыскать,– скомандовал он подчиненным и те бросились выполнять приказ. На плечи "хроников" посыпались удары прикладов. Их попытались сбить с ног и поставить на колени. Глухие удары прикладов в "Завесу", сопровождались удивленными вскриками. Один из бойцов, ударивший первый раз, по его мнению, не достаточно сильно и вскользь, решил исправить свою оплошность и вмазал от души так, что треснул приклад и если бы не металлический затыльник, то он непременно развалился бы на два полена. Боец, отшибший ударом руки, взвыл зло и, матерясь незамысловато, выронил винтовку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.